

ХА ЧИЫН

한류
히트

ЛЕДЯНОЙ
ЛЕС

18+

Хиты корейской волны

Ха Чиын
Ледяной лес

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

Чиын Х.

Ледяной лес / Х. Чиын — «Издательство АСТ», 2020 — (Хиты корейской волны)

ISBN 978-5-17-147430-0

В Священном городе Эдене, где правит бог музыки Мотховен, каждые три года на самой заветной сцене для музыкантов проходит «Конкурс де Моцерто». За звание самого талантливого музыканта соперничают лучшие из лучших, но уже более девяти лет никто не может превзойти Антонио Баэля – молодого гениального скрипача. Его игрой восхищается весь город, а больше всех молодой пианист Коя де Морфе, мечтающий добиться его признания. Любовь публики не вызывает у Антонио никаких эмоций, у него есть лишь одна цель, известная только ему, и он изо всех сил старается ее достичь. Однажды в руки Баэля попадает легендарная скрипка Аврора, которая считалась утерянной в течение тридцати лет, и, по легенде, каждый, кто сыграет на ней, погибнет. Настолько ли Баэль гениален, чтобы сыграть на белой скрипке и выжить? И как с ним связана череда загадочных убийств, которые происходят в городе, обреченном на гибель оракулом? Все ответы ведут к таинственному Ледяному лесу...

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-147430-0

© Чиын Х., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Увертюра	6
Глава 00	7
Глава 01	11
Глава 02	22
Глава 03	32
Глава 04	41
Глава 05	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ха Чиын Ледяной лес

#

EOREUMNAMU SUP

###

HA JIEUN

Russian translation edition is published by arrangement with Ha Jieun c/o Minumin Publishing Co., Ltd..

Издание осуществлено при финансовой поддержке Корейского института литературного перевода

Copyright © Ha Jieun 2020

All rights reserved.

Originally published in Korea by Minumin Publishing Co., Ltd., Seoul in 2020.

© Е.А. Понкратова, Е.А. Похолкова, перевод на русский язык, 2022

© Ферез Е., иллюстрация на обложке, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Увертюра

Над городом величественно возвышается Канон-холл, а вдалеке, за его могучей спиной, притаился Ледяной лес.

В партере концертного зала пятьсот мест отводится для почетных гостей. В бенуаре тянутся ряды деревянных кресел, по восемьсот с каждой стороны, а на пяти балконных ярусах размещается еще пятьсот кресел.

От великолепия сцены Канон-холла у музыкантов во время репетиций перехватывает дыхание, а в дни показательных выступлений, когда зал полон, у молодых артистов в жилах стынет кровь.

На сцене Канон-холла даже маэстро испытывают трепет, будто выступают в первый раз. Здесь каждый артист словно проходит отбор под прицелом холодных взглядов аристократов города музыки.

Лишь один исполнитель не считает ценителем никого из distinguished зрителей и неизменно смотрит на них свысока с этой выпивающей силы сцены. Антонио Баэль. Тот, кто навсегда останется обладателем титула де Моцерто.

В тысяча шестьсот двадцать восьмом году, когда все заговорили о конце света, предсказанном оракулом Кисэ, в Эдене, священном городе, где правит бог музыки Мотховен, на родине всех музыкантов, произошли загадочные убийства. И все были связаны с именем Антонио Баэля.

Глава 00

Здесь, в Эдене, царит вечная зима

*Словно струны, тянутся заиндевелые веточки вверх, тишиной
управляет незримый дирижер.*

В этом месте поет студеный белый ветер, здесь, в Ледяном лесу.

В последний день тысяча шестьсот двадцать восьмого года музыканты-пасгрانو безмолвствовали. Предсказание о конце света стало для них полной неожиданностью. Преданные поклонники Кисэ, пасгрانو безоговорочно поверили словам оракула и решили до последнего вздоха принадлежать музыке. Однако прошел день, вступил в свои права вечер, а они так и не собрались, чтобы сыграть напоследок.

Можно ли прощаться с родными и близкими в тишине? Думаю, пасгрانو, уверовавшие в скорый конец, так и сделали.

Музыканты-мартино, напротив, провели несколько общих собраний, на которых всюю произдевались над легковверными пасгрانو. Они пили, смеялись и обсуждали интриги Кисэ. Иногда издадека доносились звуки музыки, прерываемые грубыми возгласами мартино: «Долой скучную классику, сыграй что-нибудь поживее!»

Я сделал вид, что не слышу, как они зовут меня пьяными голосами, и продолжил свой путь в салон госпожи Капир. Сегодня даже в ее доме, где раньше дни напролет играла музыка, было тихо.

Хозяйка встретила меня, провела в гостиную и усадила на стул, не сказав ни слова. Я тоже молчал. Вокруг стояла гробовая тишина, которую никто из нас не смел нарушить. Так же молча мы встали. Прощаясь со мной в дверях, госпожа Капир с трудом сдерживала слезы, закрыв лицо руками. Мне было тяжело видеть ее в таком состоянии, и я тут же вышел. На улице мне то и дело попадались пьяные мартино и мрачные, похожие на тени, молчаливые пасгрانو. Забавно: столько артистов – и ни единой мелодии. Последний день тысяча шестьсот двадцать восьмого года выдался поистине загадочным.

Лишь один музыкант давал в тот вечер концерт.

АНТОНИО БАЭЛЬ,

бессменный обладатель

титула де Моцерто.

Последний концерт

Канон-холл, 19:00

Простую, без изысков, афишу повесили всего три дня назад, но, по слухам, все билеты уже были распроданы. Я потянул бумагу за край и стал отрывать ее по частям. Вот порвалось имя, затем исчезло и название концертного зала – на стене осталось лишь слово «последний». На это ты, Коя, повлиять уже никак не сможешь.

Я закрыл лицо ладонями и стал давить на веки, пока перед глазами не заплескали разноцветные мушки. Наверняка теперь не только пальцы, но и лицо перепачкано дешевой типографской краской. В таком виде я и отправился в Канон-холл.

Ренар Канон, владелец концертного зала, встретил меня на входе и, как обычно, предложил сопроводить в артистическую. В ответ я лишь покачал головой. Он посмотрел на меня с удивлением, но, к счастью, ничего не спросил. Я прошел в бенуар, занял свободное кресло и устремил взгляд на сцену.

В воздухе витало предвкушение, атмосфера накалялась. И вот перед публикой появился тот, кого все ждали. Однако выглядел Баэль довольно необычно: он был не во фраке, а в простом дорожном плаще. Зрители перешептывались, но, как только музыкант поднял руку, сжимающую Аврору, в зале стало тихо.

– Все дело именно в ней, – с горечью пробормотал я.

А ведь знаменитая скрипка – это всего лишь инструмент, пусть и созданный из истлевшей древесины, изуродованной языками пламени. Хрупкая, она, казалось, могла рассыпаться от одного прикосновения, но Аврора ничуть не уступала другим скрипкам в прочности. Именно таков был замысел ее создателя Джея Канона – основателя Канон-холла.

Никто, даже истинные мастера своего дела, не знал наверняка, из чего сделана скрипка. Кто-то говорил, что она изготовлена из оливкового дерева особого сорта, в которое ударила молния, кто-то – что из диковинного растения, которое Джей Канон вырастил сам.

Именно от неизвестного материала скрипка и унаследовала свой удивительный пепельно-сизый, почти белый цвет. Сероватый оттенок, в котором, казалось, все еще отражаются языки пламени, чуть не уничтожившие скрипку, и подарил ей имя Аврора.

Что же ты исполнишь нам сегодня, Баэль?

Он молча поднял скрипку и аккуратно, словно обнял младенца, поднес к груди. И в этот момент выражение его лица изменилось: пропала нежность, теперь в его чертах сквозила чувственность. Он прижал подбородок к деке и закрыл глаза.

Каждый раз, наблюдая за ним, я чувствовал, как мои щеки начинают гореть, будто я стал свидетелем тайных ласк двух влюбленных.

Баэль без промедления начал играть, хотя обычно он долго настраивал инструмент, нежно водя смычком по струнам. Иногда я подшучивал над Антонио, просил не устраивать подобных прелюдий на сцене.

Видимо, сегодня он решил начать как можно скорее, ведь конец света вот-вот должен был наступить.

В следующий миг я вздрогнул от испуга.

Зал наполнили звуки, совсем не похожие на музыку. Баэль хаотично водил смычком по струнам, словно издеваясь над Авророй. Зрители недоуменно переглядывались, но шум поднимать не спешили. Считая себя истинными ценителями музыки, уверенные, что любое исполнение маэстро, даже самое эксцентричное, несет в себе особый смысл, они силились понять молодого гения, уловить его задумку. Вся эта ситуация вызвала во мне отвращение.

Скрипка продолжала издавать демонические звуки, и до публики, кажется, стало доходить: что-то не так. Мне хотелось закричать Антонио: «Остановись!». Но когда зрители начали подниматься с мест и их недовольные возгласы смешались с воем скрипки, звучание вдруг изменилось. Теперь, как покаяние за нелепую выходку, в воздухе разливалась нежная мелодия, постепенно обволакивая публику, и та осознала, что в поведении артиста был определенный замысел.

На лице Баэля застыла легкая ухмылка, чарующая мелодия звучала сладкой насмешкой.

Когда зал окончательно затих, темп стал нарастать. Публика затаила дыхание от восторга. Смычок летал над струнами с поразительной скоростью – так умел играть лишь Антонио. Ритм усложнялся, зрители от восхищения забывали дышать. Кто-то начал задыхаться и хрипеть в борьбе за каждый глоток воздуха. Но гения, поглощенного игрой, уже ничто не могло остановить. Зрители пытались ослабить галстуки, хлопали себя по груди, дамы в панике расстегивали своим кавалерам воротнички.

Смычок все быстрее летал над струнами, накал возрастал, и зал забился в судорогах. Вдруг раздался громкий звук лопнувшей струны.

Кто-то вскрикнул, не в силах сдержать эмоции. Струна порвалась во время выступления! Как такое могло произойти в Канон-холле? Неужели Баэль, признанный музыкальный гений, бессменный обладатель титула де Моцерто, допустил ошибку?

Музыкант же как будто ничуть не смутился, ни единый мускул не дрогнул на его лице. Баэль продолжал играть на трех струнах. Скрипка издавала пленительные трели, темп нарастал. Удивительная по красоте мелодия поднималась на крещендо, но вдруг снова лопнула струна.

Только теперь зрители поняли, что ничто на сегодняшнем концерте не было случайностью. Они открывали рты в попытке сделать вдох, как рыбы, выброшенные на берег. Причудливая мелодия продолжала звучать, рождаемая скрипкой с двумя струнами. Когда она опять взлетела ввысь, лопнула еще одна струна, и зал наполнился гулом голосов.

Но музыка не прервалась – таинственная, пугающая и разрушительная. Мелодия повторялась снова, и снова, и снова... Каждый ощущал ее нутром, однако уже никто не мог ее оценить... Тяжелое дыхание и дрожь наполнили зал.

«Раз в две недели Баэль подвергает людей мучениям, заставляет их опускаться в пучину сладкого греха в самом священном для них месте – Канон-холле. Как только мелодия достигает апогея, в глазах зрителей читается такое удовольствие, будто они достигли пика наслаждения» – так однажды сказал Тристан. Тоска по другу вспыхнула с новой силой, и по щекам потекли слезы.

Только когда порвалась последняя струна, демоническая мелодия смолкла и Баэль открыл глаза. Опустив руки – в одной искалеченная Аврора, в другой смычок, – он пристально посмотрел в зрительный зал. А затем обратился к «истинным ценителям», обмякшим в своих креслах:

– Благодарю за внимание!

Склонил голову в почтительном поклоне и негромко добавил:

– Невежды.

И следом, как будто ничего особенного не произошло, он пожал плечами, обнял звенящую в тишине скрипку и покинул сцену. Никто не пытался его остановить, никто не хлопал – зал застыл в оцепенении.

Таким было последнее выступление Антонио Баэля, бессменного обладателя титула де Моцерто. Тогда я видел его в последний раз.

После того вечера он исчез, а утром, словно насмехаясь над предсказанием оракула, над Эденом как ни в чем не бывало вошло солнце. Закончился тысяча шестьсот двадцать восьмой год, и начался тысяча шестьсот двадцать девятый. Жизнь продолжалась в обычном темпе аллегро. Конец света не наступил. Но мне не довелось услышать ни оправданий пасграно, которые поверили оракулу, ни насмешек мартино. Потому что моя жизнь утратила свое привычное звучание в тот последний день тысяча шестьсот двадцать восьмого года.

Глава 01

Три гения

*Удивительно, но в замерзшем лесу есть что-то живое.
Это мир застывшей зимней мистерии,
Здесь звучит музыка.*

Эден – родина всех музыкантов, священный город, где правит бог музыки Мотховен. Он похож на море: мелодия, сыгранная за его пределами, словно волна, всегда возвращается к берегам Эдена. Музыканты, точно рыба на нерест, неизменно возвращаются назад после гастролей.

Да и могло ли быть иначе? Воздух Эдена, напоенный звуками музыки, невозможно забыть.

За пятнадцать лет до того рокового дня тысяча шестьсот двадцать восьмого, когда оракул предсказал конец света, я, десятилетний мальчишка, поступил в консерваторию Эдена. Отец не собирался передавать мне свои дела и долго думал, куда отправить меня учиться, чтобы я сам мог зарабатывать на жизнь. В конце концов он решил сделать из меня пианиста, рассудив, что такой знатный род, как наш, должен иметь хотя бы одного музыканта.

Вступительные экзамены у меня принимал один из известнейших пианистов Эдена – Фриц Янсен. До этого у меня никогда не было наставника, даже самого никудышного, поэтому я сильно волновался во время прослушивания и пытался выдавить из себя хоть что-нибудь, напоминающее хорошую игру. Отец же был готов отдать любые деньги, лишь бы меня взяли – так я стал учеником великого Фрица Янсена, не имея каких-либо выдающихся способностей.

Антонио Баэль, в отличие от меня, с первого дня обучения в консерватории был в центре внимания. Он рос в атмосфере всеобщего восхищения. «Он гений! Одаренный ребенок!» – восклицали даже маэстро.

Его, сироту без денег, с радостью взял к себе в ученики Фисе Коннор, столь же легендарный музыкант, как и Фриц Янсен. Когда-то он был неплохим скрипачом и композитором, но

теперь его жизнь стала совсем заурядной. А в последние годы в нем проснулась жгучая зависть к таланту Баэля.

«В этом году переводной экзамен предполагает выступление дуэтом с композицией собственного сочинения. Музыкальные инструменты могут быть любыми. Просим серьезно отнестись к подбору пары».

Это был мой первый экзамен. Я не сомневался, что с легкостью найду себе компаньона, ведь у меня было много друзей и я неплохо учился. Помню, что всерьез раздумывал над тем, чтобы сыграть дуэтом с другим пианистом. Но однажды ко мне подошел мальчик, с которым я никогда раньше не общался.

– Ты ведь Коя де Морфе?

Даже сейчас, вспоминая эти глаза, наполненные холодом, и мрачное выражение лица, я сжимаюсь от страха, потому что взгляд этот был совсем не детским. Но именно таким предстал передо мной Антонио Баэль.

Я много слышал об этом одаренном мальчике, но никогда с ним не разговаривал. От неловкости я так и не смог вымолвить ни слова.

– Что, потомок знатного рода Морфе считает общение с простолюдином ниже своего достоинства?

– Конечно же, нет, – промямлил я, растерявшись еще больше.

Баэль остался совершенно равнодушным к моему ответу и протянул мне рукопись.

– Эту сонату написал я. Она для скрипки и фортепиано. На экзамене я хотел бы сыграть с тобой.

Не в силах скрыть удивления, я взял партитуру, а он развернулся и ушел, как будто своим жестом я уже дал согласие.

Неужели я и вправду только что говорил с Антонио Баэлем? И он действительно предложил выступить с ним дуэтом?

– Невероятно, этот истукан умеет разговаривать?

– Коя, он сам предложил тебе сыграть дуэтом?

Друзья засыпали меня вопросами, а я даже не знал, что им отвечать. Баэль был для меня такой же загадкой, как и для них.

Вернувшись в тот день домой, я принялся внимательно изучать партитуру. На середине произведения я не выдержал и сел к роялю. Когда в комнате стих последний аккорд, все мое тело пронзила дрожь и я заплакал. Мелодия была прекрасна – не верилось, что ее написал мой ровесник.

На следующий день в столовой я сам нашел Баэля. Он сидел в углу, обедал в полном одиночестве. Я подбежал к нему с зажатой в руке рукописью и радостно прокричал:

– Сегодня же начнем репетировать! Я согласен! Мне не терпится услышать партию скрипки!

Баэль злобно уставился на меня и холодно ответил:

– Я никогда ни с кем не репетирую. Тренируйся без меня. В день экзамена мы сыграем дуэтом в первый и единственный раз.

– Ты серьезно?..

Сыграть дуэтом без репетиций? У мальчишки явно проблемы с головой. Но я не нашел в себе сил отказаться от предложения: его абсурдная уверенность была столь заразной, что во мне зыграли нотки самолюбия.

Мы готовились поодиночке и впервые выступили вместе только в день экзамена. Я до сих пор не понимаю, что тогда произошло.

Сыграть с ним оказалось намного проще, чем я думал. Иногда, конечно, когда он переходил в рубато¹, позволяя себе отклоняться от заданного темпа, партия скрипки звучала отдельно от фортепиано, но в нотной записи эта часть была отмечена как *Ad libitum*, «по желанию», поэтому я совсем не переживал. Благодаря его виртуозной технике мелодия становилась более изысканной. Для первого раза без репетиций мы сыграли идеально.

Но мы не звучали дуэтом – я будто аккомпанировал его гениальной игре. Похоже, именно на это и рассчитывал Баэль.

– Потрясающе! Великолепно! Обоим самый высокий балл!

Впервые я увидел удовлетворение на лице своего учителя, впервые он улыбнулся мне. Но я чувствовал себя довольно паршиво, поэтому, как только закончился экзамен, схватил нотные листы и выбежал из зала. Баэль последовал за мной.

– Мне понравилось с тобой играть. Давай повторим! – крикнул он мне.

– Еще чего. Я тебе не аккомпаниатор.

– Как меняются люди – еще пару минут назад ты с удовольствием выступал со мной.

Я не выдержал, обернулся и будто выплюнул ему в лицо:

– Мы не звучали как дуэт! Мне досталась роль аккомпаниатора. Признаю, ты гений, но поступил очень некрасиво!

– Честно говоря, молодой господин, твои навыки оставляют желать лучшего. И как Фриц Янсен взял тебя в ученики с такими данными? Да, верно говорят: за деньги можно купить все что угодно.

– Закрой свой рот!

Баэль натянул на лицо покровительственную улыбку.

– Коя, мне понравилась твоя манера исполнения. Даже когда я ускорял ритм, ты продолжал играть по партитуре. Другие на твоём месте нелепо попытались бы вторить моей игре, тем самым...

– Ты считаешь это комплиментом? И я что, должен быть тронут до глубины души? Знаешь, Баэль, найди себе другого простачка, который будет подыгрывать тебе и пыжиться из всех сил, чтобы соответствовать твоему уровню.

Я развернулся и пошел в другом направлении, а он не стал меня останавливать. С самой первой встречи наше общение не заладилось.

Меня раздражало его высокомерие, но написанная им мелодия не выходила из головы. Иногда я доставал рукопись, разглядывал ее и вспоминал наше выступление.

Вскоре после экзаменов ко мне подошел еще один мальчик, с которым до этого я тоже никогда не разговаривал.

– Коя де Морфе!

Он радостно выкрикнул мое имя, и на секунду мне показалось, что мы давно знаем друг друга.

Это был Тристан Бельче. В консерватории Эдена с ним хотели дружить все: и девочки, и мальчики. Он был из простой семьи, но даже дети аристократов с удовольствием общались с ним.

– Если тебе что-то нужно...

– Ты всегда переходишь к сути, даже не познакомившись с человеком?

Он широко улыбнулся и протянул руку, чем моментально расположил к себе. Мне нелегко сходить с людьми, но этот мальчик мне сразу же понравился. И я пожал ему руку.

– Да, прости... Привет, меня зовут Коя де Морфе.

¹ Свободно отклоняющееся от ровного темпа исполнение музыкального произведения. – Прим. автора.

– Меня – Тристан Бельче. Я хотел познакомиться с тобой раньше, но не рискнул. Ты ведь отпрыск знатного семейства. Надеюсь, ты относишься без предрассудков к тем, кто ниже тебя по происхождению?

– Ничего такого, – выпалил я.

Тристан снова улыбнулся и похлопал меня по плечу. Я немного удивился такому открытому проявлению чувств, но никак не показал своего изумления: мне было приятно общение с ним.

– А теперь о деле, дружище. Я ищу людей, которые бы выступили со мной на новогоднем концерте в этом году. Скрипач уже есть, я играю на виолончели. Остался лишь пианист. Мне бы хотелось, чтобы ты к нам присоединился.

– Выступление трио? Постой... Ты говоришь о том самом концерте, который каждый год проводится в Канон-холле?

– В точку. А ты догадливый, дружище. Понимаешь, какая это честь для студента – выступить на сцене Канон-холла?

Канон-холл. Концертный зал, о котором мечтает каждый исполнитель. Сцена, на которой выступали лишь истинные гении музыки. Там каждые три года проходит «Конкурс де Моцерто». И мне предлагают выступить на сцене Канон-холла. Неужели это не сон?

– Ты серьезно?

– Абсолютно. По правде говоря, это не совсем мое выступление, я всего-то лишь аккомпанирую. Вот тот, кого пригласили выступить. – Тристан привел меня к одному из музыкальных классов и открыл дверь.

Там уже кто-то был. Он сидел в расслабленной позе и внимательно разглядывал меня, словно художник, рисующий портрет.

– Антонио Баэль?

– Судьба снова свела нас вместе, Коя.

И как я сразу не догадался, что обычных студентов не могли пригласить в Канон-холл просто так? Виной всему молодой гений Антонио Баэль. Видимо, организаторы посчитали, что для сольного выступления он еще слишком молод, поэтому решили поставить в программу выступление трио. Это большая честь – выступать на сцене главного музыкального зала города, но в глубине души я чувствовал обиду: нас выбрали только из-за Баэля.

– Рукопись уже готова.

Он передал мне листы. В его поведении я не заметил прежнего высокомерия или насмешки.

– Предлагаю разок сыграть всем вместе. Коя, ты сможешь без подготовки?

Неужели он забыл про свое правило репетиций в одиночестве?

– Ты предлагаешь порепетировать? – с недоверием переспросил я, на что Тристан громко рассмеялся и хлопнул меня по спине.

– Конечно, а как же нам еще сыгаться? Или ты предлагаешь нам репетировать поодиночке? Ну ты и шутник!

Я с удивлением посмотрел на Баэля, но тот лишь отвел взгляд и равнодушно произнес:

– Мы с Тристаном уже сыграли пару раз. Если тебе сложно влиться с ходу, мы можем перенести...

– Мне не сложно.

Мое самолюбие было задето, и я решительно сел за фортепиано. Сделав несколько глубоких вдохов, я скользнул взглядом по партитуре, и мои пальцы забежали по клавишам. Мне удалось сыграть чисто, не считая небольшой заминки в середине.

Я оглянулся на моих слушателей, ожидая реакции. Тристан одобрительно присвистнул, Баэль удостоил меня лишь кивком головы:

– Отлично, тогда начнем.

Репетиция прошла на удивление весело. Антонио все время импровизировал, и я отчетливо понял, что передо мной действительно музыкальный гений. По сравнению с ним Тристан играл довольно посредственно. Я был слегка разочарован этим открытием, поскольку надеялся, что виолончелист, которого выбрал Баэль, ничуть не будет уступать ему по мастерству. Тристан не пытался выделиться, наоборот, прилагал все усилия, чтобы подчеркнуть партию Антонио. Именно это напомнило мне о нашем выступлении на экзамене, и настроение тут же испортилось. Но, невзирая ни на что, репетицией я остался доволен.

– Антонио, когда встречаемся в следующий раз? – с необычным трепетом спросил Тристан, закрывая футляр с виолончелью.

Я снова удивился – теперь уже интонации, с которой Тристан задал свой вопрос.

– А тебе нужна еще репетиция, Коя? – поинтересовался Баэль, будто пытаясь уйти от ответа.

Похоже, он хотел, чтобы я ответил отрицательно. Но прежде чем я успел сказать хоть слово, Тристан похлопал Баэля по плечу и задорно заметил:

– Нам ведь не сложно сыграть. Просто репетиции – это весело! Или я не прав?

– Прав, наверное.

Было видно, что Баэлю предложение не по душе, но все же он назначил время следующей репетиции.

В этот момент я внезапно осознал, что Тристан – единственный человек, который может растопить лед в сердце Баэля. Почему-то Антонио относился к нему с особенной теплотой. И даже более того: в присутствии Тристана он и со мной общался довольно добродушно. Но стоило нам остаться наедине или встретиться в коридорах консерватории, Баэль делал вид, что не знает меня.

С каждой репетицией я все больше поражался его гениальности. Чуть позже пришла зависть, но вскоре она сменилась безграничным восхищением. Интуиция подсказывала, что Баэль и его музыка будут жить вечно.

– Я очень волнуюсь, – честно признался Тристан.

Я кивнул, ощущая то же самое.

Наступил день новогоднего концерта. Мы тряслись от страха в артистической, находящейся за сценой. Нет, если быть точным, страшно было только нам с Тристаном, а Баэль выглядел спокойным, будто давал такие концерты каждый день. Возможно, он предчувствовал свой будущий успех, беспристрастно настраивая скрипку.

– Мы тренировались до тошноты, так что не сомневайся, все пройдет гладко, – прошептал мне на ухо Баэль.

Я чувствовал: стоит мне допустить хотя бы одну ошибку, он убьет меня на месте. Но мне и самому не хотелось испортить свое первое выступление на сцене Канон-холла. Близился наш выход, и мое беспокойство постепенно перерастало в предвкушение.

– Вы следующие, – объявил Ренар Канон, заходя в артистическую. Его молодое лицо лучилось добродушием.

Владелец Канон-холла, младший сын Джея Канона, знаменитого мастера, который создавал уникальные инструменты, был известен на весь Эден своим мягким характером. Ренар улыбнулся и попытался приободрить нас:

– Не волнуйтесь, все пройдет хорошо.

Момент выхода на сцену полностью стерся из моей памяти. В себя я пришел, только когда оказался за лучшим роялем Эдена. Баэля я видел лишь краем глаза. Он отказался от скрипки, которую предложили ему организаторы, и сжимал в руках ту, которую принес с собой. Тристан стоял напротив Антонио, но из-за крышки рояля я плохо его видел.

По рядам прокатился вздох предвкушения, растопивший холодную атмосферу зала. Я был погружен в себя, но в шепоте публики четко улавливал беспрестанно повторяющееся имя Баэля.

– Удачи, – без тени волнения в голосе сказал нам Тристан.

Я позавидовал его выдержке. Мое сердце выпрыгивало из груди, взгляд был прикован к клавиатуре, в глазах мутилось. Я испугался, что упаду в обморок, но вдруг услышал, как Баэль произнес:

– Никого...

Его голос привел меня в чувство. Однако больше Баэль не произнес ни слова. Он нежно водил смычком по струнам, готовясь к выступлению. Неужели мне послышалось? Какое-то время я наблюдал за ним, затем снова опустил взгляд на клавиши и ощутил, что нервная дрожь прошла. Возможно ли, что шепот Баэля был лишь плодом моего воображения?

Пока я думал над этим, Баэль задал темп, топнув ногой, затем еще раз. Мы заранее оговорили, что третий удар – сигнал к началу. Мои пальцы коснулись клавиш одновременно с третьим ударом.

В тот вечер я впервые узнал, каково это – отдавать игре всего себя. Для меня не существовало ничего, кроме мелодии скрипки и виолончели. Я отчаянно выводил свою партию, желая достичь идеального звучания. Мой разум постепенно успокаивался, и музыка заполнила меня без остатка. Я не думал, что могу ошибиться, забыл о публике, наблюдающей за каждым моим движением. Мелодия пьянила, пальцы свободно летали по клавишам. Единственное, что приводило меня в изумление, – зачем в такой важный момент Баэль решил испробовать новый вид исполнительской техники.

Мы закончили играть, горло сдавило от нахлынувших эмоций. Я никогда еще не ощущал такого слияния с музыкой. В этот момент Тристан подошел ко мне, взял за руку и аккуратно потянул на авансцену. Только тогда, впервые за все время, я посмотрел в зрительный зал. Публика громко аплодировала нам. Если бы не Тристан, крепко сжимающий мое плечо, я бы непременно расчувствовался на глазах у всех.

Мы поклонились: Тристан – с глубокой признательностью, а Баэль... Его лицо не выражало ровным счетом ничего. Я никак не мог разгадать, что происходило у него в душе. Он бросил в зал равнодушный взгляд, как будто публика не была достойна его внимания. Я думал, что умру от волнения прямо не сцене. Интересно, испытал ли Баэль толику тех эмоций, что пережил я?

Когда мы вернулись в артистическую, Тристан затараторил без умолку. Могло показаться, что он полностью расслаблен, но я понимал, что это был его способ справиться с напряжением.

Баэль убрал скрипку в футляр и устало улыбнулся. На лице ни капли нервного возбуждения, то же выражение полного безразличия, что и на сцене. Он выглядел так, будто просто выполнил то, чего от него ожидали.

– Коя, ты так здорово отыграл! Если честно, в какой-то момент я даже подумал, что ты нас вовсе не слышишь – настолько ты был поглощен своей партией.

От слов Тристана что-то заняло в моей душе. Не обращая на это внимания, я решительно замотал головой:

– Нет, что ты! Я все слышал.

Я несколько не лукавил, но все равно понимал, что был опьянен своей игрой. Я посмотрел на Баэля, ожидая его комментариев по поводу моего исполнения, но он, казалось, был абсолютно равнодушен и глух.

Мы собирались уже уходить, когда к нам снова зашел Ренар Канон.

– Отлично выступили, ребята! Зрители в восторге. После концерта мы устраиваем небольшой праздник, вы, молодые джентльмены, просто обязаны на нем появиться.

– Праздник? Знаете, нам это совершенно... – начал было Баэль, но его тут же перебил Тристан:

– Мы обязательно будем!

Как только Ренар Канон отошел от нас, Тристан повернулся к Баэлю:

– Ты что, не понимаешь? Такие мероприятия очень важны. Там можно встретить очень влиятельных людей.

Все выступавшие в этот день были признанными мэтрами. И для каждого из нас тот вечер стал судьбоносным. Баэлем очень заинтересовался Климт Лист, выдающийся скрипач, который через год стал его приемным отцом. Я познакомился со своим кумиром – Орлином Баумом, главным наставником моей жизни, который впоследствии оказал неоценимое влияние на мой творческий путь. Тристан же... Он встретил девушку, превратившую всю его жизнь в кромешный ад.

В ту новогоднюю ночь я возвращался домой в компании Баэля. Как обычно, когда рядом не было Тристана, он молчал. На город мягко ложился белый снег. Шагая по запорошенным улицам, я чувствовал себя совершенно иначе: воодушевление куда-то испарилось.

Скрипка в футляре Баэля задребезжала, и я вспомнил, что хотел задать ему вопрос.

– В конце выступления... Почему у тебя было такое странное лицо?

Я бы никогда не отважился спросить его об этом, но сегодня был особенный день. Он молча шагал рядом, размышляя о чем-то, но вдруг поднял голову и тихо ответил:

– Никого...

Значит, мне не показалось, перед выступлением Баэль действительно прошептал это.

– В каком смысле «никого»?

– Никого не было.

Я удивился: разве он не видел, что зал переполнен?

– Того самого человека, – снова сказал Баэль, прежде чем я снова задал вопрос.

Я никак не мог его понять, но решил дать ему высказаться.

– Среди многочисленной публики не было ни одного настоящего ценителя. Сколько бы я ни старался, я так и не нашел того, кто бы понял мою музыку, кто бы почувствовал ее так, как чувствую ее я, кто бы действительно вслушался в мою мелодию. Все, что я делаю, я делаю лишь для того, чтобы когда-нибудь встретить его, моего истинного ценителя.

Его слова задели меня за живое, но я не подал виду, продолжая идти. Баэль снова погрузился в привычное молчание и больше не смотрел в мою сторону.

В тот вечер он впервые поделился со мной своими чувствами. Тогда я еще не понимал, насколько глубоки его переживания. Но у меня появилась цель: я захотел стать тем самым истинным ценителем Баэля. Я ведь понимал и любил его музыку, вслушивался в каждый звук, как никто другой. Но что бы я ни делал, мне так и не удалось воплотить в жизнь эту заветную мечту.

После совместного выступления отношения между нами оставались неопределенными: мы не становились близкими друзьями, но и не отдалялись друг от друга. Во мне все больше росло восхищение и жаркое желание стать тем истинным ценителем, которого он так искал. Баэль же относился ко мне лишь как к аккомпаниатору, в то время как с Тристаном их продолжали связывать узы крепкой дружбы. Иногда я завидовал Тристану: он сумел стать единственным другом того, кто терпеть не мог людей.

Как вспышка, пролетело беззаботное детство. И вот мы окончили консерваторию, стали юношами. Стали серьезнее и наши разговоры.

Баэль, который уже в шестнадцать лет получил титул де Моцерто, прослыл в Эдене выдающимся скрипачом. Даже предыдущий обладатель титула, учитель и приемный отец Баэля Климт Лист, говорил, восхищаясь талантом юноши:

– Наконец-то у нас появился истинный Моцерто.

У Тристана были все шансы стать незаурядным виолончелистом, однако он не стал развивать свои способности. Он наслаждался жизнью, пробуя себя в разных сферах: давал концерты, играя на виолончели, на фортепиано и даже на гитаре, писал прекрасные картины и сочинял стихи. Но больше всего он любил вращаться в кругах высшего общества и знакомиться с новыми людьми. Его красноречие растапливало любые сердца, а приятная внешность помогала ему быть в центре внимания. Влиятельные аристократы боролись за возможность пригласить его к себе на званый ужин – происхождение Тристана их совершенно не волновало.

В год, когда Баэлю исполнилось двадцать два, он в третий раз заслужил титул де Моцерто и, как и многие другие одаренные новички, готовился к долгим гастролям. Самый молодой обладатель столь высокого звания, вот уже шесть лет не уступавший его никому, он считался непревзойденным скрипачом города. И все говорило о том, что выступления в других городах обречены на успех.

В день отъезда мы с Тристаном пришли проводить его. Антонио на прощание неловко протянул руку, но Тристан тут же заключил друга в крепкие объятия. На лице Баэля читалось замешательство. Меня одолевали сомнения, я не знал, что сказать, но Баэль опередил меня:

– Смотри, если к моему возвращению не улучшишь свои навыки, выгоню из трио.

Без промедления он сел в экипаж, и скоро повозка исчезла вдаль. Мы смотрели ему вслед, но Баэль так ни разу и не выглянул из окна.

– Вот и все, он уехал.

– Да, уехал.

Еще какое-то время мы стояли неподвижно, вглядываясь в темноту. Тристан покачал головой:

– Не понимаю. Эден – сердце музыкального мира. Люди отовсюду приезжают на выступления Баэля. Зачем нужны эти гастроли?

– Наверное, он надеется найти того самого человека. Раз в Эдене не смог.

Я заметил недоумение во взгляде Тристана.

– Того самого человека? Кого это?

– Разве Баэль тебе не говорил?

– Думаешь, Антонио хочет найти даму сердца?

Я был уверен, что Тристану известно о заветной мечте Баэля. Но, похоже, он ничего не знал. Это так обрадовало меня, что я поспешил перевести тему, чтобы сохранить тайну, которую Антонио доверил лишь мне.

В душе теплилась надежда, что Баэль вернется через три года, чтобы участвовать в очередном конкурсе на титул де Моцерто. Когда-то он шутя обронил, что, пока жив, ни за что не расстанется со своим титулом.

В ожидании его возвращения я почти не вставал из-за фортепиано, оттачивая свои навыки. Моя игра день ото дня становилась все лучше, но это никак не помогало в написании музыки. Как бы я ни старался, у меня выходила лишь стайка звуков, которые в сравнении с мелодиями Баэля казались ничтожными.

Желание непременно продемонстрировать Баэлю что-то стоящее стало давить так сильно, что меня поглотила трясина разъедающей тоски. Я забросил фортепиано, перестал выступать на музыкальных вечерах, заперся в четырех стенах. Матушка без конца отчитывала меня, отказываясь верить, что я стал таким жалким.

– Антонио Баэль, этот мальчишка без роду без племени, разъезжает по городам, а чем занимаешься ты, мой дорогой? Билеты на его концерты перепродаются на черном рынке в

десятки раз дороже. Аристократы по всей стране готовы выкладывать деньги за возможность его услышать, все называют его бессменным де Моцерто. А что ты? С твоей помощью этот неблагодарный оборванец взлетает все выше и выше. А тебя это, видимо, устраивает.

Ежедневные выволочки от матери и вести о Баэле вгоняли в депрессию. Конечно, я должен был радоваться успехам друга, но почему-то не мог, постоянно сравнивая себя с ним. Куда мне до него, я даже на роль аккомпаниатора не гожусь. Теперь мечта стать его истинным ценителем вызывала лишь отвращение. Впервые мне захотелось вычеркнуть Баэля из своей жизни.

– Я думал, что ты занят музыкой, а, оказывается, ты сидишь без дела в четырех стенах! – Громкий голос нарушил мое одиночество, когда я бесцельно бродил по саду.

– Тристан?

– Ты вообще знаешь, сколько мы не виделись? Целых три месяца!

Как же быстро летит время. Мне вдруг стало страшно, что за три месяца я ни разу не сел за фортепиано.

В голосе Тристана звучала грусть, но вдруг его лицо озарилось улыбкой и он крепко обнял меня.

– Я был уверен, что ты пишешь музыку, поэтому и не заходил, чтобы не отвлекать. Но вчера вечером получил письмо от твоей матушки и тут же понял, что тебе нужна моя помощь. Поэтому сегодня, как только рассвело, примчался сюда.

Оказывается, она отправила ему письмо... Мои щеки горели от стыда, я даже не представлял, что сказать в свое оправдание.

Тристан сел напротив меня, и я приказал одной из горничных подать чай. Друг слегка улыбнулся, но во взгляде читалось волнение.

– В чем дело? Умираешь от тоски по Антонио?

И меня словно прорвало: я стал захлеб рассказывать о своих страхах – о сомнениях в себе и своем таланте, чувстве собственной неполноценности от постоянных сравнений с Баэлем, стрессе от придирок матери. Мне казалось, что именно Тристану я могу поведать обо всем.

Он внимательно слушал, иногда кивал головой в знак поддержки, иногда тяжело вздыхал. Когда я закончил, Тристан с теплотой посмотрел на меня и произнес:

– Вы оба очень талантливы. Пытаетесь угнаться друг за другом, постоянно соперничаете. Это тяжело, но абсолютно нормально.

Он ободряюще улыбнулся.

– Ладно, попытаюсь поднять тебе настроение. Поделюсь сокровенным.

– Что значит «сокровенным»?

– Никаких вопросов. Приходи на площадь Монд к половине шестого, и все узнаешь.

– И что же там будет необычного?

– Приходи, тогда и расскажу, – сказал он, лукаво улыбаясь.

И без лишних прощаний оставил меня одного в саду. В смешанных чувствах я посмотрел на часы. Время близилось к полудню.

Несколько часов я пытался занять себя хоть чем-нибудь. Взгляд то и дело цеплялся за фортепиано, и я не выдержал и сел за инструмент. Когда моя ладонь коснулась крышки, в груди возникло теплое чувство. Я погладил клавиши и расплакался от напряжения. Как я мог жить без этих ощущений? Вот нота ми, за ней фа, следом соль... Я нажал одну клавишу, затем еще одну и начал играть.

Все мои страдания, вся моя боль выплескивались в музыку. Пальцы летали по клавишам: я то с неистовством вдавливал их в инструмент, оглашая воздух громогласными аккордами, то нежно касался, будто извлекая звонкие ноты из хрусталя. Мелодия из ми-бемоль минора резко переходила в до-мажор, выражая весь спектр моих чувств и настроения.

– Коя... Коя... Коя де Морфе!

Властный голос матери вырвал меня из объятий музыки, и я тут же прекратил игру. Известно, как долго она здесь стояла, но в ее взгляде читались раздражение и тревога.

– Ты играешь уже шесть часов подряд. Прекратишь только тогда, когда пальцы переломаешь?

Я посмотрел на часы: было уже пять, и я тут же приказал слуге готовить экипаж.

К счастью, я не опоздал, правда, пришлось пару раз поторопить возницу. Сверив время по башенным часам, я стал с нетерпением ждать Тристана.

Площадь Монд была излюбленным местом всех начинающих музыкантов – со всех сторон звучала музыка. В ожидании друга я внимательно наблюдал за скрипачом, игравшим неподалеку. Забавно, но он исполнял одну из самых известных композиций Баэля, «Посвящение тебе». Конечно, мальчик играл неумело. Я не мог без улыбки смотреть на то, как он пытается подражать манере исполнения Баэля.

В точно назначенное время появился Тристан.

– Ну что, идем?

– Секунду.

Я положил поверх мелочи, лежащей в открытом футляре перед скрипачом, сто пер. Музыкант внимательно посмотрел на меня и кивнул в знак благодарности. Я кивнул в ответ и вернулся к Тристану.

– Оправдываешь звание богатея. Вряд ли здесь хоть кто-то готов расстаться с такой суммой.

– Наверное, ты прав... Интересно, а сколько бы смог заработать Баэль, если бы выступил здесь?

– Ну ты и выдумщик! – Тристан громко рассмеялся. – А знаешь, мне нравится эта идея. Нужно будет уговорить Антонио, когда он вернется.

– После такого предложения Баэль точно прекратит с нами общаться.

Обмениваясь шутками, мы покинули площадь и вышли на аллею, вдоль которой росли тополя. Дорога причудливо изгибалась, в воздухе витал пряный аромат трав, и на сердце становилось легче. Я не знал, куда мы направляемся, но доверился Тристану – наверняка это достойное место.

– Мы пришли.

Дорога привела нас к огромному особняку. Мало кто в Эдене мог позволить себе такой. Я попытался припомнить все знатные семьи и понял, что стою перед домом того единственного аристократа, в гостях у которого я ни разу не бывал.

– Это ведь особняк маркиза Ионаса де Капира.

– Так даже неинтересно. Все-то ты знаешь, – шутливо проворчал Тристан и постучал в дверь.

Дворецкий пригласил нас внутрь. В доме звучала музыка.

– Здесь что, музыкальный салон?

– Это не просто салон. Здесь собирается элита Эдена.

Я онемел от восхищения. Конечно, мне было известно, что Тристан вращается в светских кругах, но теперь, понимая, что он шагнул еще дальше – приобщился к богеме, я стал уважать его еще сильнее.

Нас проводили на второй этаж. Я с интересом наблюдал за гостями. Наслаждаясь изысканной обстановкой, они неторопливо потягивали шампанское и делились друг с другом последними новостями. В дальней части комнаты играли музыканты, каждого из них я знал, но лично ни с кем не был знаком.

– Неужели это легендарный Пол Крюго... Музыкант с девятью пальцами? А на виолончели играет... господин Шутберг?

Пока я заворуженно наблюдал за мэтрами, мимо меня прошел знаменитый актер – его портрет обошелся бы поклоннику в сумму не меньше двух тысяч пер.

– Какое общество...

Тристан слегка похлопал меня по спине в попытке привести в чувство.

– Так, спокойствие. Ты такой же гость, как и они. Хозяйка этого известного салона – госпожа Капир, супруга маркиза.

В воздухе разливалась нежная, лиричная музыка, ей аккомпанировал смех гостей. Едва уловимый аромат незнакомых благовоний окутал меня.

В этом мире блеска и роскоши я впервые увидел госпожу Капир, одну из самых красивых женщин, что мне доводилось встречать. Она выглядела чуть старше меня, каждое ее движение было наполнено грацией, а на лице сияла мягкая улыбка. Хозяйка дома славилась не только красотой и обаянием, но и острым умом, который невозможно было не заметить, общаясь с ней.

– Вы Коя де Морфе, верно? Тристан много о вас рассказывал. К сожалению, мне пока не довелось услышать вашей игры. Позвольте попросить вас исполнить что-нибудь сегодня?

Как только она заговорила, взгляды всех присутствующих обратились ко мне. Я так надеялся, что ее просьба окажется шуткой. Разве мог я выступать перед такими мастерами, не имея ни малейшего таланта? Я обернулся, чтобы взглядом найти Тристана, но тот был окружен другими гостями, и я понял, что отказаться не получится.

– Если вы настаиваете... Я постараюсь, но надеюсь, моя заурядная игра вас не утомит.

Под пристальными взглядами гостей я сел за инструмент. Впервые со дня концерта меня охватила паника. Я сделал несколько глубоких вдохов, раздумывая над тем, что бы сыграть.

В голову пришла лишь одна мелодия – та, которую я совсем недавно играл дома шесть часов подряд. Как только в воздухе зазвучали первые ноты, зал погрузился в тишину. Моя музыка была посвящена Баэлю. В ней таились мое отчаянное желание стать его истинным целителем и боль от осознания того, что этого никогда не произойдет. Я мечтал, чтобы эта мелодия соединила меня с Баэлем и позволила дотянуться до него, где бы он ни был.

В полный голос зазвучало фортепиано, а как только смолкла последняя нота, гостиную затопил шквал аплодисментов.

Я встал из-за рояля, неловко улыбаясь. В этот момент ко мне подошел Пол Крюго и протянул руку. На ней не хватало одного пальца. Несколько секунд я в изумлении смотрел на него: как ему удастся играть столь виртуозно? Но, справившись с собой, благоговейно пожал ему руку.

Так я стал постоянным гостем салона госпожи Капир. Его двери были открыты для всех талантов, вне зависимости от их происхождения. Однажды один из гостей, довольно неблагодарного вида, вел себя крайне эксцентрично – жадно набрасывался на еду, а когда вынесли торт, одним ударом смял его, превратив в месиво из бисквита и сливок. Я испугался, что в дом пробрался бродяга, который вот-вот испортит вечер, но другие гости, не разделяя моего волнения, почему-то с интересом наблюдали за ним. Несколько мгновений – и бисквитная масса превратилась в фигурку женщины, застывшей в позе молитвы. Ее пальцы и одежды были слеplены из кусочков глазури.

Я внимательно наблюдал за каждым его движением, размышляя о том, каким многогранным бывает человеческий талант.

Именно в доме Капиров я чувствовал прилив вдохновения и творческих сил: и когда слушал поэтов, декламирующих стихи, и когда играл дуэтом с музыкантами-пасгрانو, которых до этого встречал лишь на площади Монд. Прежде со мной никогда не случалось подобного. Медленно я выбирался из цепких лап депрессии, поглотившей меня.

Именно тогда по всему Эдену и даже в салоне госпожи Капир начались разговоры о конце света, предсказанном оракулом Кисэ.

Глава 02

Музыкальный аукцион

*Гений музыканта причудливо сплетается с мистикой.
Я стал понимать это, когда он заговорил о Ледяном лесе.*

С тех пор прошло три года, наступил тысяча шестьсот двадцать восьмой. В Эдене говорили лишь о музыке и конце света.

На улице, как обычно, громко звучала народная музыка, исполняемая пасграно, но стоило зайти в помещение, она сменялась аристократичными ритмами мартино. И только на площади Монд гармонично переплетались два далеких друг от друга музыкальных мира и самые разные мелодии, смешиваясь с жаркими спорами и перешептываниями жителей.

– Кисэ обманывает нас всех, – твердили мартино.

– Нет! Оракул говорит чистую правду! – как заведенные повторяли пасграно.

– Кисэ с помощью пророчества плетет интриги, подстрекает простолюдинов и пытается повлиять на нас, – возмущались аристократы.

По словам оракула, в конце тысяча шестьсот двадцать восьмого года представители всех знатных семейств Эдена встретят свой конец. Но никто из высшего сословия не верил в предсказание, их смущало низкое происхождение Кисэ.

До всех этих разговоров мне не было никакого дела. Мысли занимал лишь один вопрос – когда вернется Баэль. Январь был в самом разгаре, конкурс на титул де Моцерто проходил осенью, но я все равно ощущал болезненное предвкушение.

В один из январских дней я пил чай в компании Тристана в нашем любимом кафе, наблюдая через стекло за падающими хлопьями снега.

– Говорят, Антонио отправился на юг. Не понимаю, он вообще думает возвращаться? Будем надеяться, что скоро он окажется дома. Неужели так трудно написать друзьям пару строк? – сокрушался Тристан.

За три года от Баэля не пришло ни единой весточки. Иногда мы, узнав, в каком городе он остановился, отправляли ему письма, но ни на одно из них Антонио не ответил. Наверное, он их даже не открывал.

– А если вдруг Баэль не будет участвовать в конкурсе... Как думаешь, кто станет де Моцерто на этот раз? Снова Климт Лист?

В ответ Тристан покачал головой:

– Он сказал, что не будет участвовать: слишком стар. В светских кругах многие впечатлены победами Баэля, и поговаривают, что в этот раз титул тоже лучше отдать молодому музыканту.

– Молодому музыканту, значит...

Я стал перебирать в уме имена исполнителей, подходящих для этой роли, как вдруг поймал на себе взгляд Тристана. В его глазах плавали искорки веселья.

– Не пойму, почему ты так смотришь?

– Не знал, что ты так туго соображаешь, дружище. Ведь следующим финалистом можешь стать ты.

Я резко вскочил из-за стола.

– Не говори глупостей! Победа такого никчемного музыканта, как я, ударит по престижу конкурса.

– Никчемного? Многие в Эдене хвалят твой талант. Музыканты выстраиваются в очередь, чтобы предложить тебе сыграть дуэтом.

– Это ничего не значит... – Я сцепил руки в замок, опустив взгляд. – Видимо, после отъезда Баэля в Эдене не осталось больше талантов, раз все говорят обо мне – посредственном музыканте.

– Прекрати принижать себя, Коя. Ты ведь и сам хочешь участвовать. Разве нет?

Я задумался.

– Пожалуй, это станет неплохим опытом, и многие смогут услышать мою музыку. Но я точно не хочу быть следующим де Моцерто.

– Дружище, тебе стоит прислушаться к своей матушке и поверить в себя. Ты понимаешь, что именно неуверенность не дает тебе приблизиться к Баэлю?

Слова Тристана ранили сильнее, чем я думал. Но, похоже, он понял, что перегнул палку, и резко сменил тему.

– Ты слышал, что в Канон-холле пройдет масштабный аукцион? Будешь участвовать?

– Аукцион? В Канон-холле?

– Поговаривают, что на торги выставят самые уникальные музыкальные инструменты, созданные Джеем Каноном. Со всей страны съедутся богачи.

– Аукцион...

Уже долгое время я мечтал о новом фортепиано. То, на котором я играл сейчас, было совсем старым, его купили мне еще в детстве.

– Я бы с удовольствием, но, боюсь, матушка не даст мне денег. Она настаивает, чтобы я бросил играть.

– Похоже, ты совсем забыл, что у тебя два родителя.

А я ведь даже не вспомнил про отца. Последний раз мы с ним виделись больше года назад.

Семья Морфе из поколения в поколение отвечала за финансы королевства Анакс, расположенного по соседству с Эденом. Мой отец управлял всеми делами казны, через которую каждый день проходили миллиарды пер. Туда же он пристроил и моих старших братьев. Работа занимала все его время и мысли, поэтому такая тривиальная вещь, как семья, его мало интересовала.

Король платил щедро, но ходили слухи, что большую часть доходов моего отца составляли взятки. Именно поэтому род де Морфе считался самым состоятельным в Эдене.

«Отец...» – написал я и в сомнениях отложил перо. Что дальше? Мы с отцом никогда даже толком не разговаривали. Я мучился несколько часов, но все же изложил свои мысли на бумаге. Содержание написанного сводилось к одной фразе: «Мне нужны деньги».

От Эдена до Катра, столицы Анакса, расстояние небольшое – всего несколько часов пути, но я был уверен, что отец, сославшись на занятость, ответит мне уже после аукциона.

Однако на следующий день я получил от него письмо.

«Моему любимому младшему сыну Кое», – красивым почерком было выведено на плотной бумаге. По моим щекам тут же побежали слезы. Отец никогда раньше не называл меня любимым сыном. Дрожащими руками я вскрыл конверт.

Впервые я получаю от тебя весточку. Прости за мою безучастность. В свое оправдание могу лишь сказать, что все, что я делаю, – это ради семьи.

До Катра дошли слухи о твоём таланте. Ты стал выдающимся пианистом. Отправить тебя учиться в консерваторию было одним из лучших моих решений.

Многие знакомые уверены, что ты можешь стать следующим де Моцерто, но я думаю, они говорят это лишь затем, чтобы потешить мое самолюбие. Мои ожидания не должны давить на тебя. Главное, чтобы ты был счастлив.

И еще, Коя.

*Я никогда не выражал тебе свою отцовскую любовь, но я могу позволить своему ребенку все. Внутри конверта ты найдешь банковский чек. Надеюсь, что первым услышу твою игру на новом фортепиано, когда вернусь домой. С любовью,
твой папа.*

Прижав письмо к груди, я беззвучно заплакал. В конверте лежал почти заполненный чек, мне оставалось лишь вписать сумму. Но я чувствовал, что размашистая подпись отца вручила мне нечто более ценное, чем деньги.

Через неделю мы с Тристаном стали участниками аукциона. Ренар Канон, близкий друг Тристана, выделил нам самые лучшие места и даже разрешил взглянуть на лоты. Выставлялось три фортепиано – одно из них, иссиня-черного цвета, сразу же запало мне в душу. С разрешения Ренара я даже смог опробовать его. Каждая извлеченная нота звучала идеально.

Рядом стояло еще одно – красивого шоколадного цвета. Звук у него был насыщенный, но не столь выразительный.

– Мне кажется, лучше выбрать вот это, – указал Тристан на последнее. – Его создал сам Джей Канон.

– Мне больше нравится черное.

– Хм... Работа Кристиана Минуэля. Тоже достойный выбор.

Кристиан Минуэль – самый талантливый из учеников Джея Канона. Старый мастер выбрал его своим преемником, после чего отошел от дел. Однако вскоре Минуэль скончался от несчастного случая в возрасте двадцати трех лет, так и не став великим мастером. После себя он оставил два фортепиано. Одно было передо мной, другое стояло на сцене Канон-холла.

– Но все равно, Коя, представь, что творение Джея Канона может стать твоим. Ты ведь и сам знаешь, что это лучший инструмент на свете, – пытался переубедить меня Тристан.

Я покачал головой.

– Отец, конечно, разрешил мне потратить любую сумму, но я не готов отдать такие огромные деньги. За фортепиано работы великого мастера точно попросят немало.

– Музыкант не должен жалеть денег на инструмент. Помни, другой возможности не будет. Сегодня первый и последний раз, когда в музыкальном аукционе участвует так много творений Джея Канона.

Основатель Канон-холла и мастер по изготовлению музыкальных инструментов завещал сыновьям отдать свои произведения в руки победителей конкурса де Моцерто. Однако его наказ не был исполнен. Младший в качестве наследства выбрал Канон-холл, чтобы концертный зал не перешел в чужие руки. Остальные же братья получили отцовские инструменты, которые сегодня, почти через тридцать лет после его смерти, выставили на аукцион.

– Я хочу, чтобы именно вы стали владельцем этого инструмента, господин Морфе. Я не выдержу, если наследие отца уйдет в руки к богатею, который поставит его в своем доме только ради бахвальства, – печально сказал Ренар.

Мне было сложно представить, что он чувствует, осознавая, что немногие оставшиеся творения его отца скоро уйдут с молотка. В какое-то мгновение мне показалось, что его прежде молодое лицо осунулось от переживаний.

Нас прервали громкие голоса людей, входивших в зал. Видимо, они несли еще один лот. Судя по волнению, написанному на их лицах, это был весьма ценный инструмент, скорее всего, одна из великолепных скрипок Джея Канона, стоившая безумных денег.

– Поаккуратнее там! – громко закричал Ренар.

Почему обычно вежливый и учтивый владелец Канон-холла вдруг вышел из себя? Мы переглянулись с Тристаном, удивленные внезапной вспышкой гнева.

– Сдается мне, это непростой инструмент.

– Неужели один из Имтуриментов?

Так называли четыре самых выдающихся творения Джея Канона. Ходили слухи, что при жизни он расколол свою душу на четыре части и создал из них скрипку, виолончель, альт и фортепиано. Этим инструментам он дал имена Аврора, Вечерняя заря, Закат и Ночное сияние.

– Так-так, еще чуть-чуть, – пробормотал Тристан, пытаясь разглядеть содержимое хрустального ларца, накрытого черным шелком.

Мое сердце билось неистово. Если сегодня на торгах будет Ночное сияние, я куплю его, даже если это станет финансовым крахом для моего отца. К счастью для него, то, что скрывала черная ткань, никак не могло оказаться фортепиано. Скорее всего, это была Аврора, обожженная скрипка Джея Канона.

– Один человек точно выйдет отсюда банкротом.

– Думаю, им окажется госпожа Капир.

– Она будет сегодня?

– А ты не в курсе? Она без ума от музыкальных инструментов. Если бы не маркиз, она бы уже давно потратила на них все деньги.

Я с недоверием посмотрел на друга. Это было совершенно не похоже на ту госпожу Капир, которую я знал.

– Она же не играет ни на одном инструменте.

– Ты абсолютно прав. Она покупает их не для себя, а для музыкантов – гостей ее салона. Необыкновенная женщина.

И только в этот момент я осознал, что все инструменты в салоне госпожи Капир были высочайшего класса.

Аукцион начался. В числе первых лотов появились арфа мастера Бэма и тромбон Кинифа, которые тут же привлекли внимание публики, но после того, как объявили виолончель – творение Хемонгарда, – зрители обезумели. Ее владельцем стал незнакомец, отдавший пять миллионов пер. Те, кто не смог предложить более высокую сумму, громко возмущались.

Я даже боялся представить, что начнется, когда на сцене появятся шедевры Джея Канона. Наконец зрителям представили то самое фортепиано насыщенного шоколадного цвета. На секунду мне захотелось его купить, но во время торгов мой пыл поулегся. Новым владельцем инструмента стал тучный господин, отдавший за него девять с половиной миллионов.

Лицо Ренара было мрачнее тучи. Я почувствовал угрызения совести из-за того, что не смог спасти инструмент его отца. Но аукцион продолжался – и очередь дошла до черного фортепиано, появления которого я с нетерпением ждал. Правда, ставки оказались выше, чем я предполагал.

Когда торги замерли на отметке в полмиллиона, я скромно поднял руку и предложил два. Мою цену побить не смог никто.

– Поздравляю, Коя! Могу я стать первым, кто услышит твою игру на новом инструменте? – радостно воскликнул Тристан.

Я широко улыбнулся:

– Извини, но первое выступление я обещал отцу. Правда, не знаю, когда он наконец вернется домой.

Когда я написал на чеке сумму в два миллиона пер и передал его распорядителю аукциона, глаза мужчины расширились от удивления. Он поднял чек перед собой и несколько секунд вглядывался в подпись моего отца, чтобы убедиться в ее подлинности. Я сделал вид, что не заметил его недоверия, и попросил доставить инструмент ко мне домой, после чего вернулся на свое место.

На сцене снова появился один из инструментов Джея Канона.

– Четыре миллиона! Госпожа Капир назвала четыре миллиона! Мужчина на заднем ряду – четыре с половиной миллиона.

Когда прозвучало имя нашей знакомой, мы с Тристаном одновременно обернулись и посмотрели на нее. Она сидела на заднем ряду в сопровождении слуги. Заметив нас, она широко улыбнулась, и мы поприветствовали ее.

– Пять миллионов! Маэстро Лист!

Имени приемного отца Баэля я никак не ожидал услышать и стал искать его взглядом. Возможно, маэстро хочет купить эту скрипку в подарок Антонио. Баэль, как никто другой, достоин творения Джея Канона.

– Господин на последнем ряду показывает шесть миллионов. Маэстро?

Однако незнакомый мне гость на последнем ряду снова поднял руку, и распорядитель на мгновение замолчал от изумления. Мужчина, по всей видимости, был баснословно богат: именно он стал обладателем тромбона и виолончели каких-то полчаса назад.

– Он что, собирается открыть музей? Зачем ему столько инструментов? – тихо пробормотал Тристан.

Маэстро Лист не поднял ставку, и скрипка тоже оказалась в руках незнакомца.

Несколько часов пролетели как одно мгновение. Большинство лотов уже было распродано, однако тот инструмент, которого мы с Тристаном так ждали, еще не появился. Мы то и дело в предвкушении поглядывали за кулисы, как вдруг распорядитель объявил:

– И наконец, вниманию почтенной публики предлагается последний лот. Он не нуждается в долгом представлении. Достаточно сказать, что это один из четырех Интуриментов. Встречайте: Аврора!

«Аврора! Разве она не пропала?» – послышался шепот со всех сторон. Люди недоверчиво повторяли имя скрипки, вставали с мест, чтобы лучше ее рассмотреть.

В зал внесли хрустальный ларец, накрытый черным шелком. В глазах у всех участников аукциона читалось изумление.

– Аврора! Это она! Аврора! – повторял Тристан как заведенный.

Я онемел от неожиданности.

Взгляды всех присутствующих были прикованы к сцене. По залу разнесся то ли вздох, то ли всхлип.

– Но ведь... Это необычная скрипка... На ней нельзя играть, – пробормотал кто-то в зале.

Я разделял его мысли. Какой бы уникальной она ни была, все равно никто не посмеет даже пальцем прикоснуться к ней.

Распорядитель промокнул пот на лице платком и продолжил дрожащим голосом:

– Вы не хуже меня знаете, что Джей Канон создал восхитительную скрипку. Красота ее завораживает, а голос напоминает трели соловья. Говорят, что в ней он заключил частичку души. Я приглашаю вас увидеть своими глазами этот инструмент, который призван служить лишь одному владельцу – богу музыки Мотховену!

Он поднял руку, и ассистент сорвал черную ткань.

Мне хотелось закричать, но из груди вырвался лишь хриплый стон. Думаю, многие в зале разделяли мое восхищение.

Еще никогда в жизни я не встречал подобной скрипки. В первый миг мне почудилось, что Аврора ослепительно-белая. Присмотревшись, я понял, что она скорее пепельно-сизая, словно истлевшая. Что придало ей столь необычный цвет? Или это естественный оттенок дерева? Неужели в природе существует такое?

– Я хочу ее, – прошептал Тристан.

Меня обуревали те же мысли, и я корил себя за то, что уже потратил деньги отца. Какая разница, что я не умею играть на скрипке? На Авроре вообще никто не мог играть. Я хотел заполучить ее любым путем – сердце желало этого, но понять почему я был не в силах.

– Жизнь многих музыкантов оборвалась из-за этой скрипки. В конце концов Джей Канон решил спрятать ее так, чтобы никто не смог найти. И вот тридцать лет спустя Аврора снова перед вами!

Именно. Тридцать лет люди гадали, куда делась скрипка, и решили, что создатель уничтожил свое детище. Ходили слухи, что незадолго до смерти Джей Канон предал Аврору огню.

Скрипка забрала жизни всех, кто осмелился играть на ней. Каждый, кто прикасался к ней, по непонятной причине истлевал заживо. Но, несмотря на дурную славу, люди все равно жаждали услышать ее звучание.

Один из владельцев скрипки, известный поэт Лит, как-то сказал, что она служит лишь богу музыки Мотховену. Ему стали вторить и остальные.

– Начальная ставка – миллион пер.

Впервые стартовая цена была столь высокой. Лицо распорядителя исказила нервная улыбка. Участники торгов молчали, словно оцепенев, никто не поднимал руки. Как будто каждый пытался осмыслить названную сумму.

Я оглянулся на госпожу Капир. В ее глазах не было интереса. Она не купит ее. Для нее инструмент означает возможность играть на нем.

– Есть ли желающие поднять ставку? Да, вижу – пять миллионов!

Снова мужчина на последнем ряду. Я не знал, кто он, но мне почему-то хотелось, чтобы скрипка досталась кому угодно, только не ему.

– Маэстро Лист поднимает до семи миллионов.

На лице приемного отца Баэля читалось страстное желание обладать этой скрипкой. Похоже, он собирался оставить здесь все свое состояние.

– Господин в углу предлагает десять миллионов, дамы и господа!

Голос распорядителя срывался: впервые на торгах цена поднялась до таких значений.

– Двенадцать миллионов! Пятнадцать миллионов! Дама в середине зала поднимает ставку до восемнадцати миллионов! Господин с последнего ряда – двадцать миллионов.

В зале то там, то здесь поднимались дрожащие руки. Неужели на свете так много богачей? Атмосфера накалилась до предела.

– Такое ощущение, что я сплю, Коя. Хочется уйти и не видеть всего этого, – нахмурившись, прошептал мне Тристан.

Я тоже не хотел все это видеть. Сидящие в зале источали алчность.

– Тридцать миллионов! Дамы и господа, я прошу вас успокоиться! Поднимайте руки по очереди, пожалуйста! Тридцать один миллион! Тридцать два!

Мужчина на заднем ряду поднялся с места и громко выкрикнул:

– Пятьдесят миллионов! Это последняя цена, готов поспорить, никто не сможет предложить больше!

Зал сковала тишина, и в этот момент пламя свечей колыхнулось, как-то по-особенному отразившись от скрипки, и мне показалось, что Аврора насмехается над всеми.

Распорядитель, глядя на мужчину, открыл рот от изумления, но быстро взял себя в руки и провозгласил:

– Пятьдесят миллионов... Может ли кто-то предложить больше?

Никто не решался нарушить тишину. В глубине души я не мог смириться с тем, что скрипка попадет в руки скупщика редкостей. Однако никто больше не поднял ставку, ни у кого не было такой огромной суммы. Но достоин ли тот человек стать хозяином Авроры?

И вдруг...

– Пятьдесят с половиной миллионов, – произнес тихий голос.

Люди стали озирались. Я последовал их примеру и окаменел, когда понял, кто назвал такую цену.

Господин, предложивший пятьдесят миллионов, с недоверием смотрел на нового участника торгов, который не выглядел как обладатель столь внушительной суммы.

– Аукцион не место для глупых шуток! Ты уверен в серьезности своих намерений? – закричал мужчина, в его голосе звучало раздражение.

– Именно.

Богач с красным от гнева лицом, тяжело дыша, повернулся к распорядителю и сказал сквозь зубы:

– Шестьдесят миллионов. Это финальная цена.

Тихий голос произнес:

– Семьдесят миллионов.

Мужчина резко обернулся:

– Семьдесят миллионов? У тебя точно есть такие деньги?

– Не думаю, что я должен отчитываться перед вами. Я буду говорить лишь с организаторами аукциона.

Мужчина злобно захрипел:

– Я владелец банка «Зенон». Среди наших клиентов самые состоятельные люди города! Если ты действительно такой богатый человек, ты определенно входишь в их число, не будешь же ты расхаживать с такой огромной суммой в кармане, верно? Назови свое имя!

Теперь мне стало понятно, откуда у этого господина такие большие деньги. Банк распространил свое влияние далеко за пределы Эдена, его филиалы есть практически в каждой стране. «Зенон» – единственное место в городе, где самые богатые граждане хранят свои сбережения. Похоже, незнакомец – один из них.

– Тогда мне несказанно повезло. Будьте добры сейчас же выдать мне банковский чек. – Новый хозяин Авроры усмехнулся и холодно продолжил: – На имя Антонио Баэля, носителя титула де Моцерто.

– Что-то я не могу вас признать, кто вы?

– Видимо, и я по ошибке принял вас за Тристана Бельче.

– Я действительно Тристан Бельче, а вот поверить в то, что передо мной сейчас стоит Антонио Баэль, я никак не могу. За три года мой друг точно написал бы мне хоть одно письмо. И если бы Антонио Баэль вернулся, то первым делом он навестил бы меня. Он бы...

Молодой гений холодно усмехнулся и поднес скрипку к груди.

– Я посвящаю эту мелодию тебе в качестве извинения.

Он тут же начал играть.

Я не ожидал, что мастерство Баэля, которое и до его отъезда было безупречным, может стать более искусным. Он играл еще виртуознее. Идеальное исполнение... Нет, куда лучше. Из скрипки лился насыщенный чистый звук.

Мы с Тристаном пристально наблюдали за мягкими движениями смычка. Может ли хоть кто-то на свете сравниться с этим гением?

– Ну что, снова друзья? – обратился к Тристану Баэль, широко раскрыв объятия. В одной руке была зажата скрипка, в другой – смычок.

Тристан внимательно изучал лицо друга, а затем крепко обнял.

– Так уж и быть, прощаю, но только в этот раз. Еще одна такая выходка – и нашей дружбе конец.

– Не волнуйся, такого не повторится. Покидать Эден я больше не планирую.

– Почему?

– Гастроли меня утомили. Конечно, я заработал много денег, но на этом все.

Тристан широко улыбнулся:

– Заработать целое состояние всего за три года. Звучит как глупая шутка.

– На самом деле больше денег у меня нет. Моя банковская ячейка теперь полностью пуста. Если бы тот банкир повысил ставку, я бы проиграл.

Тристан и Баэль смотрели друг другу в глаза, а затем громко рассмеялись. Я молчал все это время, но не выдержал и прервал их веселье:

– Пообещай, что не будешь играть на ней.

Услышав это, они оба уставились на меня. Антонио нахмурился, а Тристан смотрел как на сумасшедшего.

– Ты что, действительно запрещаешь ему играть на скрипке?

Я сделал вид, что не услышал вопроса, и повторил:

– Пообещай, что не станешь играть на Авроре.

Тристан перевел взгляд на Баэля, с трудом натягивая улыбку.

– Коя решил очень нелепо пошутить. Не думаю, что даже Антонио Баэль, которого ничего не пугает в этом мире, отважится притронуться к этой скрипке.

Юный де Моцерто ничего не ответил, и улыбка пропала с лица Тристана. Как я и думал, Баэль уже все решил.

– Антонио, неужели ты всерьез собираешься играть на Авроре? Хочешь взять ее в руки? Разве не знаешь, что о ней говорят? – грозно произнес Тристан, еле сдерживаясь, чтобы не схватить Баэля за грудки.

– Я все прекрасно знаю. Но какой смысл покупать ее, если я не буду играть на ней?

– Ты хочешь умереть? Вернулся лишь за этим?!

Люди вокруг стали оборачиваться на нас. Пытаясь успокоить Тристана, я схватил его за локоть, но он грубо оттолкнул меня.

– Предупреждаю тебя, Антонио Баэль. Если ты хотя бы прикоснешься к этой проклятой скрипке, то я не хочу тебя больше видеть. Хотя я и так тебя не увижу, ведь ты, скорее всего, тут же умрешь!

Выкрикнув эту фразу Антонио в лицо, Тристан резко развернулся и выбежал из зала. Я проводил его взглядом, а затем повернулся к Баэлю и задал вопрос, который волновал меня все это время:

– Ты его нашел?

Юный де Моцерто не ответил. Но я догадался сам. Он не нашел. Иначе бы его холодная улыбка исчезла.

– Я найду. Смогу. Верю, что когда-нибудь я его встречу, – ответил он, нахмурившись.

Может, он недоволен тем, что я лезу к нему в душу? Но если бы он не хотел моего участия, мог бы не рассказывать о своей мечте.

Баэль молчал, затем равнодушно посмотрел на меня.

– Ну что, идем к тебе, Коя?

– Ко мне домой?

– Я хочу оценить твой прогресс и понять, выгонять мне тебя из нашего трио или нет.

Дома ждало новое фортепиано. Однако стоило мне переступить порог, как матушка накинулась на меня с возмущениями:

– Ты совсем рехнулся? Выпросил деньги у отца, потратил больше двух миллионов пер и не сказал мне ни слова! И на что? На какое-то жалкое пианино! Ты даже не хочешь быть профессиональным музыкантом! Допустим, ты выиграешь конкурс де Моцерто, и что...

Матушка запнулась на полуслове, увидев Баэля за моей спиной. Я был уверен, что это затишье перед очередной бурей, и уже приготовился к новому потоку брани, как вдруг:

– Неужели сам Антонио Баэль де Моцерто почтил нас своим визитом? Кое так повезло, что его друг – такой выдающийся человек! Проходите, почувствуйте себя как дома!

– Благодарю, мадам, – вежливо ответил он, склонив голову в почтительном поклоне.

Я внимательно смотрел на мать, не зная, что сказать. Не было и дня, чтобы она не перемывала кости Баэлю, а теперь – только посмотрите! – рассыпается в любезностях. Видимо, она поняла, о чем я думаю, и, что-то неразборчиво пробурчав, немедленно вышла из комнаты.

– Невероятно, – пробормотал я.

– Что-то не так?

– Нет, все в порядке, проходи.

Баэль, с интересом рассматривая дом, последовал за мной. Он впервые был у меня в гостях, поэтому я немного нервничал.

– Шикарное поместье. Хотя чему я удивляюсь, вы же самая богатая семья Эдена.

Я сделал вид, что не услышал его насмешку.

Когда мы зашли в мою комнату, слуги уже заканчивали с установкой инструмента. Я попросил у них чаю со сладостями и подошел к фортепиано. Только когда пальцы прикоснулись к гравировке «Кристиан Минуэль», я окончательно осознал, что теперь это мой инструмент.

– Отличное фортепиано. Оно подходит тебе больше, чем то, созданное Джем Канонм. Ну что же... Могу ли я стать твоим первым слушателем? Ты ведь еще ни для кого не играл на нем?

Баэль подошел ко мне, разглядывая фортепиано. Я замер в нерешительности, но затем все же сел за инструмент. Первое исполнение я обещал отцу, но не мог отказать Антонию в просьбе. Открыв дрожащими пальцами крышку, я вдруг подумал о том, что Тристан расстроится, ведь он тоже хотел услышать мое первое исполнение на новом инструменте.

По привычке я провел рукой по клавишам и заиграл от ноты до. Прикосновение к новому фортепиано рождало во мне такие же волшебные эмоции, как и музыка, льющаяся из него. Мне казалось, я вовсе не играю, а скольжу по волнам мелодии.

Я исполнил короткий задорный вальс и заметил, как легкая улыбка скользнула по лицу Баэля.

– Неплохо.

– Я очень рад! Ведь это самая большая похвала, на которую ты способен.

Антонию, пожав плечами, рассмеялся. Окрыленный его реакцией, я сыграл еще несколько пьес. После путешествия он стал больше улыбаться, и я был безмерно этому рад.

Вскоре принесли чай, и я сел рядом с Баэлем за столик, стоящий рядом с фортепиано.

– Меня долгое время не было в Эдене. Расскажи, как сейчас обстоят дела. О чем говорят?

– Пасграно теперь в большем почете, чем раньше. Все обсуждают предсказание оракула Кисэ. – Я задумался. – А еще в последнее время появляется все больше музыкальных салонов. Молодые музыканты обретают популярность благодаря выступлениям и на таких мероприятиях, не только на конкурсах.

– Музыкальные салоны?

Баэль нахмурился, было заметно, что ему не понравились эти слова. Мне тут же захотелось рассказать ему о салоне госпожи Капир.

– Самый известный принадлежит супруге маркиза Ионаса де Капира. Пойдем туда вместе в следующий раз?

– Даже не знаю... Мне нужно готовиться к праздничным концертам. После аукциона Ренар Канон предложил мне выступить в его концертном зале. Я буду играть каждый день в течение недели.

Он сказал об этом невзначай, но для меня новость оказалась такой неожиданностью, что от удивления я чуть не вскочил со стула.

– Ты будешь выступать в Канон-холле целую неделю?

– Почему ты так удивляешься?

А что еще мне оставалось? Только величайшие маэстро могли выступать на сцене Канон-холла, да еще и на протяжении недели. Конечно, Баэль – трехкратный обладатель титула де Моцерто, но ему ведь двадцать пять, он слишком молод.

– Это потрясающе! Ты, как всегда, умеешь удивлять.

– Было бы чему удивляться. А ты, как обычно, мыслишь слишком узко. Для меня это только начало.

К чему стремится Баэль? Что он будет делать после того, как найдет своего истинного ценителя?

Вдруг ко мне пришло осознание. Тот, с кем я сейчас веду дружескую беседу, оставит после себя значимый след в музыке.

– Кстати, Коя. – Голос Баэля отвлек меня от размышлений.

– Да?

– Во время путешествия я услышал одну странную историю.

– Какую?

– Она рассказывает о некотором месте в Эдене, о существовании которого я даже не догадывался.

Я вопросительно посмотрел на него. В тот момент Баэль выглядел как любопытный ребенок.

– Знаешь ли ты о Ледяном лесе?

Глава 03

Предсказание Кисэ

Здесь музыка рождается, и здесь же она засыпает.

- Ледяном лесе?
- Да, ты тоже ничего не слышал?
- Ты имеешь в виду ту старую легенду? – задумчиво переспросил я.
- А что, существует легенда? – оживился Баэль.
- Да, она упоминается в биографии основателя Эдена – Иксе Дюдро.
- Можешь вспомнить, что именно там говорится?

Я начал свой рассказ, воскрешая в памяти знания по истории Эдена и некоторые факты из биографии Иксе Дюдро.

Сегодня Эден является городом-автономией. За триста лет до появления Анакса, когда еще не было единого календаря, он представлял собой дикие земли, утопающие в снегу. Но все изменилось с тех пор, как Иксе Дюдро – первый де Моцерто – провозгласил себя хозяином этих мест. С ним приехали его сподвижники, называвшие себя дюдронами. Благодаря усилиям Иксе, который помогал жителям и обучал их всему, что знал сам, община сильно разрослась. А затем на этом месте возник великолепный город – обитель искусств и культуры. Иксе развивал светское искусство и запрещал шаманские культы. Через триста лет на соседних землях появилось новое государство Анакс. Именно тогда был создан единый календарь.

Король Анакса обрадовался, когда узнал, что этот прекрасный город не принадлежит ни одной стране, и вознамерился захватить его. Его действия вызвали возмущение, но не жителей Эдена, а вождей соседних племен. Они объявили, что пойдут войной на королевство, если Анакс поглотит Эден.

- Войной?! – недоумевал король Анакса.
- Именно так, – отвечали вожди.
- Не потому, что хотите завладеть им, а потому, что желаете ему свободы?

– Именно так.

Король долго раздумывал: на одной чаше весов был прекрасный город свободы Эден, а на другой – союз племен, выставивших против Анакса бесчисленные войска. Но король не захватил город, а приказал обозначить его на карте как Священную землю – не из страха, а из уважения к ее жителям.

Именно с тех пор Эден стали называть священным городом бога музыки Мотховена, не принадлежащим ни одной стране в мире. Племенные союзы, жившие по соседству, образовали государство – возжди стали королями, и лишь Эден неизменно пребывал свободным. Дюдро, который за всю жизнь искренне любил лишь дерево, не оставил потомков, и единственным его наследием стали пилигримы.

Следующие поколения жителей Эдена произвели на свет много талантов, особенно в области музыки. Поэтому наш город обрел известность как родина всех музыкантов.

– Говорят, что незадолго до смерти Иксе сжег то дерево, о котором заботился всю жизнь.

– Всю жизнь заботился о дереве? Звучит жутко.

– Но самое странное – оно не сгорело. Наоборот, остыло до такой степени, что покрылось льдом. Когда Иксе понял, что натворил, он бросился к дереву, вымаливая прощение. Но как только коснулся его ствола, то истлел, превратившись в пепел.

Баэль хмыкнул:

– Чушь какая-то.

– Доля правды в этом есть. По словам известного ученого Кириони, прикосновение к предмету, разогретому до высоких температур, ощущается как холод, а не жар. То дерево казалось покрытым инеем, но было горячее, чем огонь преисподней.

Баэль молчал, переваривая мой ответ, а затем внезапно спросил:

– Какое отношение эта история имеет к Ледяному лесу?

– Ты помнишь, что стало с деревом?

– И?..

– По словам биографа Иксе, который и придумал название лесу, после смерти основателя Эдена дерево никуда не делось. Как только с него падала засохшая ветка, из нее тут же вырастало новое дерево. Так постепенно на этом месте возник лес. Казалось, что эти белосизые деревья покрыты инеем, но на самом деле внутри них жил испепеляющий жар. Автор пишет, что видел Ледяной лес своими глазами, но насколько достоверна эта информация? В ту эпоху люди любили все преувеличивать и приукрашать.

Баэль задумался. По его заинтересованному взгляду я понял, что эта часть истории приглянулась ему по душе. Я решил продолжить:

– Это просто легенда. В Эдене нет такого леса.

– Думаю, он существует. Я хочу найти его. Где находился дом Иксе Дюдро?

Я долго вглядывался в его лицо, не понимая, шутит он или нет.

– Слушай, ты действительно думаешь, что дом человека, жившего две тысячи лет назад, сохранился до наших дней?

– Само место же никуда не делось.

– Но никто не знает, где точно он жил.

– Одно мы знаем точно: в Эдене.

Видя по-детски воодушевленное лицо Баэля, я не смог сдержать улыбки. В этот момент я был очарован его искренним простодушием.

– Если хочешь, могу дать тебе прочитать эту книгу.

– Спасибо, конечно, но я ненавижу читать. Мне достаточно твоего рассказа. Ладно, мне пора.

– Так скоро?

– Я купил себе новые апартаменты. Дом отца слишком далеко от центра города. Хочу побыстрее осмотреть новое жилище.

Да, видимо, за три года Баэль и правда заработал целое состояние, раз смог позволить себе дом в самом центре.

Я проводил его до двери и пообещал, что обязательно загляну в гости.

Через несколько дней мы с Тристаном по традиции отправились в салон госпожи Капир. Друг предлагал и Баэлю присоединиться к нам, но тот отказался.

– Как думаешь, он еще не открывал ларец, в котором лежит Аврора? Не прикасался к ней?

Тристан, пожав плечами, ответил:

– Наверное, нет, раз еще жив.

– Тридцать лет прошло с тех пор. Может, она больше не опасна?

– Ты сам ее видел. Скажи, тебе показалось, что она утратила свою демоническую силу?

– Нет.

Сияние скрипки завораживало, словно манило в свои сети новую жертву. Аврора будто пыталась донести до всех, что у нее только один хозяин – великий Мотховен.

На горизонте показался дом маркиза, и у меня вдруг возникло странное предчувствие. В окнах не горел свет, и не слышалась музыка.

– Неужели сегодня все отменяется?

– Не думаю, иначе нас бы заранее оповестили.

Гадая, что же случилось, мы постучали в дверь. К нашему удивлению, нам открыла сама хозяйка. Прекрасные черты ее лица сегодня были омрачены вуалью скорби.

– Прошу прощения, но мероприятия не будет.

– Ничего страшного, мы все понимаем. Вы очень бледная, у вас что-то произошло? – с волнением в голосе спросил Тристан.

Госпожа Капир смотрела рассеянным взглядом куда-то вдаль, прикусив губу, а затем расплакалась, прислонившись к плечу моего друга.

Мы провели ее в дом.

– Что случилось? Расскажите, молю вас. Я сделаю все возможное, чтобы помочь, – искренне сказал я.

Госпожа Капир долго молчала, лишь изредка утирая текущие по щекам слезы, и наконец сказала нетвердым голосом:

– Мой муж сильно болен. Врачи говорят, что он не переживет сегодняшнюю ночь. Я прошу прощения, но у меня есть к вам просьба, именно поэтому я не отправила вам письмо об отмене сегодняшнего вечера.

– Не извиняйтесь! Мы сделаем все, что в наших силах. Мадам, вам стоит только попросить.

Я был готов сделать для госпожи Капир все, чтобы хоть как-то отплатить ей за всю доброту и внимание ко мне.

Госпожа Капир, с трудом подбирая слова, ответила:

– Он хочет послушать...

– Какую-то определенную музыку?

– Хочет перед смертью еще раз услышать его игру... Игру Антонио Баэля.

Теперь все понятно.

Мы с Тристаном переглянулись. Похоже, новость о возвращении Баэля затмила собой новость о конце света. По крайней мере, для маркиза Капира.

– Не плачьте, я приведу его, и как можно скорее.

– О, Тристан! Я вам так благодарна...

Движимый внезапным импульсом, я схватил друга за руку.

– Стой, пойду я.

Тристан заметно удивился, но кивнул в знак согласия. Я тут же бросился стрелой наружу и, не помня себя, помчался по аллее, обрамленной высокими тополями.

Зачем я остановил Тристана? Хотел убедиться, что после нашей беседы про Лес Баэль стал считать меня другом? Или, может, я просто не представлял, как успокоить рыдающую госпожу Капир, оставшись с ней наедине? Единственное, в чем я был уверен в тот момент: у меня получится уговорить Баэля.

На площади Монд я поймал первый попавшийся экипаж. К счастью, адрес Баэля был мне известен, несмотря на то что в гостях у него я так и не побывал. Спустя несколько минут я уже стучал в дверь его дома.

– Баэль! Это я, Коя!

Дверь он открыл почти сразу и хмуро уставился на меня.

– С чем пожаловал?

Я попытался объяснить ему ситуацию, но вышло довольно сумбурно.

– Госпожа Капир... То есть ее муж, маркиз, при смерти. Но он хотел бы напоследок услышать твою игру. Пойдем со мной, умоляю.

Я был уверен, что он согласится. Разве можно отказать умирающему в последнем желании? На его месте я не раздумывал бы ни секунды, тронутый такой просьбой.

Однако холодное лицо Баэля не дрогнуло. Мое воодушевление тут же сошло на нет, и я вдруг осознал, что совершил ужасную ошибку.

– Все аристократы считают музыкантов кем-то вроде своих слуг, которые должны бежать по первому их зову?

Услышав в его голосе презрение, я понял, что совсем не подумал, как Баэль воспримет просьбу госпожи Капир. Он ведь даже незнаком ни с маркизом, ни с его супругой.

– Это не так! Он умирает, понимаешь? Твоя игра может облегчить его страдания...

– Мне все равно, умирает он или нет, – перебил меня Антонио. – Меня это не касается. Я не мальчик на побегушках. Никто не смеет мне приказывать, когда и кому играть! Даже ты!

Я смотрел на него и молчал. Почему я решил, что этот человек изменился? Может, сбило с толку то, что несколько дней назад он улыбнулся мне? Как мог я допустить даже мысль о том, что понимаю его? Откуда появилась слепая уверенность, что он наконец признал меня и стал моим другом?

– Я не хотел обидеть тебя... Прости, Баэль...

Только не плакать. Ты не должен показывать слабость, Коя.

Уговоры не помогали. Слезы застилали глаза.

«Самый настоящий плакса», – вдруг вспомнились слова матери.

– Я не считаю тебя мальчиком на побегушках... Но очень прошу, сыграй для маркиза в последний раз. Он прекрасный человек. Ты и сам это поймешь, когда познакомишься с ним.

– Какой же ты идиот! Я уже сказал, что мне все равно! Тем более у меня на носу концерты. Как ты думаешь, кто-нибудь из богатеев захочет отдать огромные деньги за билет, когда узнает, что я безвозмездно сыграл по первому зову какого-то аристократишки? Они все тут же притворятся умирающими, чтобы я сыграл и для них тоже. Я не занимаюсь благотворительностью. Даже если меня попросит сам Мотховен. Я никогда не буду бесплатно играть для людей, которые мне безразличны. Музыка – мой способ выжить, я зарабатываю на жизнь благодаря ей! Ведь я не отпрыск богатого рода, как некоторые! Живешь на всем готовом. Как же ты мне противен! – бросил мне в лицо Баэль и захлопнул дверь.

Я стоял в оцепенении и чувствовал, как по щекам катятся слезы. Его жестокие слова глубоко ранили меня, но зато теперь все стало предельно ясно. Вся неприязнь Баэля, которую я ощущал с самой первой встречи, была связана с моим происхождением.

– Мне так стыдно... Прости меня... За то, что хотел стать твоим истинным ценителем.

– Я так и знал, что ничего не выйдет, – сказал мне Тристан, когда я подъехал к дому маркиза.

Он помог мне выйти из экипажа, и я заметил, что его глаза наполнены тревогой.

– Может, поедешь домой?

– Нет, я не оставлю госпожу Капир.

– Тогда постарайся успокоиться и вытри слезы. Твое состояние еще больше ее расстроит, – сказал он, протягивая мне платок.

Я промокнул глаза. Голова нещадно болела, но я постарался прийти в себя.

Я вернулся в дом один, в дверях столкнулся с госпожой Капир. В поисках поддержки она сжала мою руку, но не проронила ни слова. Было видно, что она держится из последних сил.

Через какое-то время входная дверь распахнулась. На пороге показался Тристан, следом за ним шел Баэль. Я был не в силах смотреть на него – отвел взгляд. Сердце снова заняло от боли.

– Антонио Баэль, это действительно вы. Спасибо, что нашли время и почтили нас своим визитом.

Госпожа Капир бросилась к ним навстречу, и все ее жесты выражали глубокую признательность. Баэль лишь коротко поздоровался, не проявляя каких-либо эмоций, и последовал за ней наверх, в спальню маркиза. Тристан подошел ко мне и предложил пойти с ними. Мы поднялись на второй этаж, в комнату маркиза.

В спальне царил полумрак, и казалось, что все вокруг уже было окутано дыханием смерти.

– Ионас, он пришел. Ты так хотел услышать его...

Госпожа Капир осеклась, но через мгновение снова позвала дрожащим голосом:

– Ионас?

Ответом ей была тишина. Тристан вскрикнул.

Комната закружилась у меня перед глазами, и я оперся плечом о стену, чтобы не упасть. Слезы снова потекли по щекам.

Маркиз был хорошим человеком, как и его супруга. Он любил музыку, восхищался живописью и высоко ценил поэзию. Ионас Капир был настоящим пилигримом города искусств.

Рыдания его супруги разорвали тишину. Тристан подошел к хозяйке дома и молча приобнял за плечи. Я понимал, что ничем не смогу помочь, поэтому тихо развернулся и направился к выходу. Но вдруг объемный звук скрипки заполнил собой все пространство. Я обернулся.

Баэль играл.

Полилась тихая траурная мелодия, по-своему прекрасная. Ужасно, но рыдания госпожи Капир звучали как песня, будто дополняя ее. Вскоре ее плач стал совсем неслышен, но музыка продолжала звучать.

Госпожа Капир подняла голову и внимательно посмотрела на Баэля.

– Когда человек уже не дышит, его слух все еще восприимчив к звукам вокруг, – неожиданно для самого себя пробормотал я, словно произнося траурную речь.

Госпожа Капир подарила мне слабую улыбку, от которой у меня защемило сердце, и слегка кивнула.

Похороны состоялись через несколько дней, тихо, как и хотел маркиз. Известный литератор Элиан Холц прочитал прощальную речь, Иллаис, художник, близкий друг Ионаса Капира, написал посмертный портрет, который поставили рядом с надгробием. Оркестр, появившийся на свет благодаря поддержке маркиза, играл траурный марш.

До самого конца церемонии мы с Тристаном ни на шаг не отходили от госпожи Капир. Баэль так и не пришел.

После всего случившегося я решил посвятить всего себя музыке – играл целыми днями, не выходя из дома, готовился к конкурсу де Моцерто.

Я забыл о существовании Баэля, позволил себе стать увереннее и пообещал выиграть ради отца.

Меня будто обуял ненасытный голод. Как одержимый я искал встречи со знаменитыми музыкантами – не просто для души, а для того, чтобы чему-то у них научиться. Остальное время полностью принадлежало фортепиано. Я играл, играл и играл до тех пор, пока пальцы не переставали слушаться.

В один из таких дней, когда я был полностью погружен в новую мелодию, в комнату вошла матушка. Она была явно чем-то рассержена.

– Нет, ты бы только слышал заявления этого оракула Кисэ! Требует политической партии для народа. Кто вообще будет слушать простолюдинов? Пусть между собой разбираются, а в наши дела не лезут!

– О чем вы говорите, матушка?

– Про Кисэ! Оракула, который пугает всех концом света. Кисэ пытается надумать простолюдинов создать Республиканскую партию. Представляешь, Кисэ призывает позволить обычным гражданам участвовать в политической жизни Эдена.

Почему-то мне захотелось разобраться в происходящем, хотя обычно политикой я не интересовался.

– Сегодня на главной площади собираются простолюдины, чтобы обсудить создание партии. Госпожа Памон из соседнего поместья предлагает мне посмотреть на это безобразие, говорит, что будет занятно. Ей лишь бы поглазеть, а к чему это все приведет, она не понимает!

Я решил, что мне не помешает проветриться и заодно поприсутствовать при столь любопытном зрелище.

Уже позже, сядя в экипаж, я задумался о Кисэ. Я представлял оракулов людьми с прекрасно развитой интуицией, настоящими стратегами, способными предвидеть будущее, а не волшебниками из сказок.

Интересно, что за человек Кисэ?

– Эден – это не собственность аристократов. Разве Иксе – основатель нашего города – был знатного происхождения? В ту пору не существовало никакого социального деления. Мы все являемся пилигримами города музыки. Почему люди об этом забывают? Мартино называют музыку пасграно вульгарной, а во многие салоны музыкантам незнатного происхождения вход воспрещен. Аристократы неспособны понять истинное искусство и не дают шанса талантам из народа. Разве это справедливо?

На лице оратора застыло выражение театральной скорби. Неужели это и есть Кисэ? Рядом с ним стояла группа людей, среди которых я заметил известного пасграно Аллена Хюберта. Он был знаменитым пианистом, и его имя часто звучало в музыкальных салонах, где собирались мартино.

– Коя? – окликнул меня кто-то.

Я обернулся и увидел своего друга.

– Тристан, какая встреча! Тоже решил прийти?

– Ты же знаешь, я постоянно торчу на площади, сегодняшний день не исключение. А ты почему здесь?

– Так получилось... Знаешь, я послушал, и, в общем-то, они говорят разумные вещи.

Я сказал это с полной серьезностью, но Тристану почему-то стало смешно.

– Странно слышать это из твоих уст. Может, тоже вступишь в партию?

– Хватит тебе! Я ведь не шучу.

Тристан, закинув руку мне на плечо, продолжал тихо посмеиваться. После чего произнес, глядя на трибуну:

– Сейчас выступает Ганс Найгель. Многие простолюдины его поддерживают. Но он действует слишком радикально, так что, думаю, долго не продержится. Забавно, что Найгель выступает против Кисэ, хотя сам неоднократно заявлял о важности поддержки и солидарности. Но, похоже, теперь они работают вместе, ведь создание народной партии – их общая мечта.

Тристан знал куда больше меня, поскольку сам был из простой семьи. Почему-то я почувствовал облегчение, когда узнал, что выступающий сейчас вовсе не Кисэ.

– Того, кто стоит в первом ряду, ты знаешь. Талантливый пианист-пасграно Аллен Хюберт. Жаль только, что происхождение не позволило ему стать мартино. Он так и не смог показать всего, на что способен. Аллен – близкий друг Ганса. Видишь туповатого на вид мужчину позади них? Это Коллопс Мюннер, коллега и преданный поклонник Аллена. Страшный человек, ради своего кумира готов на все. Он недолюбливает Баэля, ведь тот, став мартино, теперь презирает пасграно.

– Ты знаешь все на свете.

Тристан усмехнулся:

– Расскажу вот еще что. Баэль ненавидит Хюберта. А тот отвечает ему взаимностью, и его верный пес Коллопс плетет козни против Антонио.

– И как же Баэль на это реагирует?

– Не знаю. Наверное, оттачивает свой талант, чтобы снова продемонстрировать, что он не ровня пасграно.

Я задумался. Мне вдруг стало интересно, как дела у молодого де Моцерто. Мы не виделись с того самого дня, когда умер маркиз.

Ганс Найгель закончил речь и спустился с трибуны. Я вдруг вспомнил еще об одном человеке.

– А где же Кисэ?

– Кисэ?

Тристан, изменившись в лице и слегка прикусив губу, стал разглядывать людей около трибуны.

– Вон там, – указал он на человека, разговаривавшего с Найгелем.

Сперва я подумал, что друг ошибся, и решил уточнить:

– Я имею в виду оракула.

– Ну, это и есть оракул Кисэ.

– Подожди, ты имеешь в виду ту молодую женщину?

Тристан кивнул. Я уставился на нее в изумлении. Легендарный оракул Кисэ – женщина? Одежда на ней была мужской: брюки и черный плащ, на голове – шляпа. Единственное, что выдавало в ней женщину, – копна длинных рыжих волос.

И вдруг она обернулась, как будто почувствовав мой взгляд. Я попытался отвернуться, но Кисэ уверенным шагом направилась в нашу сторону. Секунда – и все, кто стоял перед нами, расступились, бросая на нас с Тристаном косые взгляды.

В чем дело? Почему все так пристально смотрят?

Ответом мне стала улыбка, которая расцвела на лице Кисэ:

– Тристан Бельче! Сколько лет!

– Да, Кисэ, давно не виделись.

– Что же ты не подошел? Прожигал меня взглядом и опять собирался тихо уйти? Тебе самому не надоело?

– Прости-прости. Сегодня я с другом.

Тристан подтолкнул меня вперед, и я посмотрел ей в глаза, которые внимательно изучали меня. Должно быть, она ненавидит аристократов, раз хочет создать партию для народа.

Я попытался завязать разговор:

– Я Коя де Морфе. Надеюсь, у вас нет предрассудков насчет мартино?

На это Кисэ громко расхохоталась, и я почувствовал, что от стыда у меня горят уши. Я посмотрел на Тристана в надежде, что он как-то сгладит неловкость, но друг отвернулся.

Настоящая Кисэ совершенно отличалась от образа в моей голове: почему-то мне все оракулы представлялись седыми старцами, окутанными шлейфом мистики и бормочущими что-то себе под нос. Она же казалась по-детски наивной, когда смотрела на меня своими большими глазами цвета спелого граната. На ее губах играла улыбка.

– Простите за мою бестактность! Но вы такой забавный. Взгляд как у испуганного олененка. Просто загляденье!

Все слова вылетели из моей головы, стоило лишь мне посмотреть на Кисэ. Никогда прежде я не встречал женщины, которая бы говорила так свободно и открыто. Хотя, признаться честно, я вообще редко общался с девушками своего возраста.

– Хватит, Кисэ, ты смущаешь Кою. Не нужно потешаться над моим невинным другом.

Хотя бы в этот раз Тристан заступился за меня, но я все еще обижался на него за то, что он отвернулся, когда мне так нужна была его поддержка. Похоже, он прочитал мои мысли, неловко улыбнулся и потупил взгляд.

– Ладно, на самом деле я рада знакомству. Позвольте мне наконец-то представиться. Кисэ. Вот так, без фамилии, – произнесла девушка, а затем, оглядевшись, добавила: – Я не могу себе позволить такое дорогое место. Надеюсь, вы угощаете, Коя?

– Да, разумеется.

Мы зашли в кафе «Мареранс», в котором частенько бывали с Тристаном. Довольная Кисэ заказала чашку чая и кусочек торта. Меня смущали ее поведение и темперамент, и я надеялся, что смогу поскорее сбежать.

– Не волнуйтесь, я тоже занятой человек, поэтому вас не задержу. Только доем и сразу уйду.

Я с изумлением разглядывал ее, а она продолжила говорить с набитым ртом:

– Я нормально отношусь к аристократам. Если я создала партию для людей, это еще не значит, что я презираю каждого носителя знатной фамилии. Не нужно сравнивать меня с теми пустоголовыми активистами типа Найгеля, которые на каждом шагу кричат о свержении аристократической власти.

– Тогда зачем вам создавать партию?

– Зачем... Будущее указало мне. Вы бы поступили так же на моем месте, если бы увидели то, что видела я. Еще немного – и такие понятия, как «простолудин» и «аристократ», исчезнут.

Наконец-то Кисэ стала похожа на оракула. Однако мне, как представителю знатного рода, стало не по себе от ее слов, поэтому я спросил:

– Все случится в этом году? Как вы и предсказали – в конце тысяча шестьсот двадцать восьмого?

Кисэ, уронив ложку, громко засмеялась, будто потеряла рассудок. Крошки бисквита полетели во все стороны. Тристан вздохнул, вынул из кармана платок и нежно вытер ей подбородок.

– Триста-а-ан, почему ты раньше нас не познакомил? Твой друг такой забавный, он мне нравится. Очень-очень.

Я попытался скрыть замешательство, прикрыв рот ладонью, и сделал вид, что закашлялся. Она разительно отличалась от дам из высшего общества.

Вдруг Кисэ прекратила смеяться и серьезно спросила:

– Господин Коя де Морфе, кто вам такое поведал? Неужели я?

– Нет, но об этом говорят повсюду: на площади, в музыкальных салонах...

– «1628 год станет концом для всех нас!», «Какой смысл работать в поте лица, совершенствовать свои музыкальные способности, ведь мы все умрем!» – это вы слышали?

Я молчал. С ее лица исчезла улыбка. Теперь Кисэ напоминала драматическую актрису. Я больше не видел в ее багряных глазах детской наивности, которая магнитом притягивала меня, – теперь их наполняла лишь печаль.

– Только для глупцов реальность выглядит столь примитивно. Все произойдет очень тихо. Никто не узнает. За исключением тех, кто умеет видеть. А вот вы... Вы станете непосредственным участником этого события.

– Не понимаю. Какого события?

– Конца.

Кисэ говорила загадками, и я вопросительно посмотрел на Тристана. Однако друг не заметил моего взгляда: он не сводил глаз с девушки.

– Когда грусть станет снегом, что укутает Эден, многие покинут нас. Но вы справитесь, ведь вы человек, который не скрывает слез, – добавила она, рассматривая улицу за окном.

Кисэ ушла, а я еще какое-то время сидел неподвижно.

Неужели это и есть оракул, о котором все толкуют? Или она обычная шарлатанка, как и говорила матушка? Правда ли она видела конец света?

– Догадываюсь, о чем ты думаешь, Коя. Но она не сумасшедшая, – сказал Тристан тихим голосом.

– Я не считаю ее сумасшедшей, может, немного бесшабашной. А где вы познакомились? – поинтересовался я.

– Это случилось довольно давно. На том вечере, после концерта.

– Подожди, как она смогла туда попасть?

– Не знаю. Она часто появляется в неожиданных местах. Сегодня она на собрании уличных бродяг в грязной таверне, а завтра уже кружится в вальсе на балу среди знатных особ. Но чаще всего ее можно увидеть на площади Монд. Кисэ довольно непредсказуема.

Рассказывая о ней, Тристан не переставал улыбаться, как будто говорил о самом близком человеке. Мне вдруг показалось, что мой друг влюбился. Но об этом я решил умолчать, лишь позволил себе заметить:

– Я и подумать не мог, что вы с Кисэ давние друзья. Она очень необычная. И...

– И говорит о конце?

– Ты ей веришь?

– Я... – Тристан откинулся на спинку стула и задумчиво сказал: – Верю. Каждому ее слову.

В том, что он говорил, не было ничего необычного. Многие пасграно и вообще простолюдины верили ее предсказанию. Но меня не покидало чувство, что Тристан чего-то недоговаривает.

– Ты любишь ее? – наконец отважился я задать тревожащий меня вопрос.

Тристан на мгновение замер, но в его чертах не было ни намека на волнение или беспокойство. Он просто и уверенно сказал, как будто говорил о чем-то само собой разумеющемся:

– Она – мое все.

Глава 04

Зов Ледяного леса

*«История Эдена», эпиграфом к ней служат такие слова:
«Мы, пилигримы, жители города,
Все наши порывы устремляем сюда».*

Тристан ходил на все светские мероприятия города, а в остальное время пропадал на площади Монд.

Кисэ часто появляется в неожиданных местах: сегодня она на собрании уличных бродяг в грязной таверне, а завтра кружится в вальсе на балу среди знатных особ. Но чаще всего ее можно увидеть на площади Монд.

Все, что делал мой друг, было ради нее.

Я забежал в свою комнату, чувствуя, что еще немного – и сердце взорвется от переизбытка эмоций. Не медля ни секунды, я сел за фортепиано. Стоило мне открыть крышку, как пальцы привычно запорхали по клавишам. Музыка, музыка, музыка. Лишь благодаря ей я мог выплеснуть все, что накопилось внутри.

– Почему ты не скажешь ей о своих чувствах? Почему не сделаешь предложение? Любая девушка будет на седьмом небе от счастья, если услышит от тебя такие слова.

– Уже делал.

– И что она? Неужели отказала?

– Сказала, что не может выйти за меня, потому что скоро умрет. Представляешь, как ужасно быть оракулом: ты можешь увидеть даже собственный конец. Но я отшутился, пообещав жениться на ней, если ее предсказание не сбудется.

– А Кисэ?

– Она поцеловала меня. Теперь я как могу стараюсь проявлять свою любовь, понимая, что завтра Кисэ может меня покинуть. Я дорожу ей так сильно, будто каждый день рядом с ней – последний. Ловлю каждое ее движение в страхе, что больше никогда ее не увижу. Когда ко мне приходит осознание, что она здесь, рядом со мной, то чувствую огромное облегчение, которое тут же сменяется печалью. Я отдаю ей всю свою любовь, всего себя.

Пятнадцать лет... Пятнадцать лет я считал его самым близким другом. Он всегда был рядом со мной, в отличие от Баэля. А я... Даже не догадывался, что у него может быть любимый человек.

Красивая мелодия превращалась в откровенный ужас: я уже не просто играл, я бил по клавишам, вымещая свою боль.

Дверь в комнату внезапно отворилась. Матушка. Наверное, пришла сказать, что выбросит инструмент, если я продолжу издеваться над ее слухом.

– Господин, к вам гость.

Оказалось, это был слуга. Я даже не потрудился оглянуться и закричал что есть силы:

– Не хочу никого видеть!

– Но...

Чья-то рука опустилась на мое плечо. Я резко сбросил ее и развернулся, чтобы посмотреть, кто передо мной. Но замер на месте, как только увидел лицо посетителя.

– Сочинил новую мелодию? Скажу откровенно: уши завяли, пока ее слушал.

Передо мной стоял тот, кого я не видел уже несколько месяцев, – Антонио Баэль.

Я предложил ему сесть, попросил слугу принести чаю и больше не произнес ни слова. Меня все еще переполняла обида.

Баэль изучал меня взглядом, затем тяжело вздохнул.

– Не стоит так пугаться. Я пришел извиниться.

– Как-то слабо верится, что ты пришел сюда по своей воле. Признайся честно, тебя заставил Тристан?

Видимо, я совсем выжил из ума. Почему я говорю с такой злостью? Но Баэль весело рассмеялся:

– Тристан все время твердил мне, что ты бываешь очень милым, а я никогда этого не замечал, но теперь вижу. Ты злишься на меня, да?

– Зачем ты пришел?

Баэль ответил, пожав плечами:

– Хотел рассказать, что теперь тоже посещаю салон госпожи Капир. Пытаюсь загладить свою вину перед тобой.

– ...

– Ладно, я хожу туда еще и потому, что хорошо отношусь к хозяйке.

Меня обуревали странные эмоции: я не чувствовал ни капли радости, лишь сильное огорчение. Это не то, чего я хотел.

– И еще вот, возьми.

Баэль достал из кармана листок, который оказался пригласительным билетом.

– Не хочу хвастаться, но это самые лучшие места. Концерты не удалось провести сразу после моего возвращения, пришлось дожидаться, когда закончатся концерты основного репертуара.

– ...

– Откажешься от билетов?

Я опустил голову, уставившись в пол. Баэль оставил приглашение на столе и направился к выходу.

– Мне лучше тебе вообще ничего не говорить. Почему ты опять в слезах? Ты же мужчина.

– Ничего я не плачу!

– В чем тогда дело? Я извинился, чего ты еще от меня хочешь?

Я постарался вложить во взгляд всю обиду и осуждение.

– Почему ты не сыграл для меня?

– Что?

– Когда у Тристана было плохое настроение, ты всегда играл для него. Но никогда – для меня. Ах, точно, как я мог забыть! Антонио Баэль бесплатно выступает только перед теми, кто ему дорог. Получается, мне придется заплатить. Сколько ты хочешь, о величайший маэстро нашего времени? Я же как раз один из тех мерзких аристократов, которых ты ненавидишь всей душой, которые понимают лишь язык денег. Давай, цена не имеет значения, я тут же выпишу тебе чек! – выпалил я на одном дыхании и уставился на Антонио.

Я был уверен, что мои слова разозлят его, но Баэль выглядел абсолютно спокойным. Он молчал, а затем произнес с улыбкой:

– Прекрасно. Думаю, что ты уже достаточно унизил меня. Мы квиты. Больше не будем вспоминать тот инцидент. Мне хочется, чтобы ты перестал меня избегать.

Я молча отвернулся. Мне вдруг стало совестно из-за своего ребячества. Баэль вышел из комнаты, а приглашение так и осталось лежать на столе. Я прочитал: «Ложа второго яруса». И правда, самое лучшее место.

Я рассеянно смотрел на билет, как вдруг с улицы услышал крик Баэля:

– Выходи немедленно, Коя де Морфе! Ты нанес мне личную обиду! Вызываю тебя на дуэль!

Я бросился к окну. На лице Баэля играла улыбка, совершенно не подходящая человеку, вызвавшему другого на дуэль. Пребывая в недоумении, я вдруг увидел у него в руках футляр от скрипки. Я схватил плащ и как на крыльях сбежал по лестнице. Почему-то хотелось смеяться.

– И куда же мы идем?

– Туда, где никто не найдет твое бездыханное тело, – без тени улыбки ответил Баэль.

Два часа мы ехали на повозке и около часа шли пешком. Я был весьма встревожен, но все равно следовал за ним. Довольно долго мы брели по узкой тропинке, пока не оказались в горах, но Баэль все не останавливался и продолжал идти. Я уже не понимал, что происходит. Мы действительно будем стреляться? Но тогда зачем ему скрипка?

Я не чуял ног и готов был свалиться от усталости, но вдруг заметил, что Антонио замер на месте, прислушиваясь к чему-то. Все вокруг выглядело незнакомым, я не имел ни малейшего представления, куда мы пришли. Нас окружал густой лес.

Антонио пробормотал:

– Никак не найду.

– Баэль?

– Кажется, мы заблудились, Коя.

Я плюхнулся на землю, совсем выбившись из сил и тяжело дыша. Баэль смотрел на меня с ухмылкой. В этот момент я готов был застрелить его, если бы только мог стоять на ногах.

– Сразу видно аристократа. Только не говори, что тебя утомила наша небольшая прогулка.

– Мне плевать, что ты обо мне думаешь. Но, пожалуйста, скажи, куда мы идем?

Не удостоив меня ответом, Баэль опустил футляр на землю и аккуратно открыл его, будто опасаясь повредить скрипку.

Я почувствовал, как все внутри сжалось от страха.

– Баэль, это же... Это же...

Он снова едко ухмыльнулся.

– Успокойся, ничего не случится.

– Не прикасайся к ней!

– Прекрати раздувать из мухи слона. Несколько месяцев назад я уже брал ее в руки. Если бы она действительно убивала, я уже давно был бы мертв.

Все страхи вдруг испарились – перед моим взором появилась Аврора. Баэль аккуратно поднял ее в воздух и нежно погладил, видимо не собираясь играть. Затаив дыхание, я наблюдал за ним.

Он, как будто чем-то раздосадованный, вернул скрипку в футляр и спросил:

– Ты когда-нибудь слышал?

– Что?

– Язык музыки.

Баэль оставил в покое футляр и сел рядом со мной, скрестив ноги. Запрокинув голову, он устремил взор в небо и произнес:

– Жизнь – самое дорогое, что у меня есть. Я не могу умереть, пока не исполню свою мечту. Несколько месяцев назад я впервые достал скрипку, как только получил одобрение Тристана.

– Как он мог согласиться?

– Да, это было просто. Похоже, тебя интересует, как мне удалось уговорить друга, который поклялся отказаться от нашей дружбы, стоит мне лишь прикоснуться к Авроре? В тот день, когда ты убежал в слезах, мы с Тристаном заключили пари: я играю для умирающего маркиза – он соглашается с моим желанием прикоснуться к Авроре.

Узнаю Тристана. Да, он мог пойти на такое.

– Я достал ее в тот же день, но не рискнул играть. У меня не было уверенности, что она признает во мне своего хозяина, поэтому я просто оставил ее в своей комнате. А на следующий день она заговорила со мной.

Я в замешательстве посмотрел на Баэля. По его интонации стало понятно, что он не шутит. Антонио вообще редко демонстрировал чувство юмора.

– Она говорила не по-человечески. Это был язык музыки. Я слышал его впервые, но прекрасно понял. Скрипка приказала мне отнести ее...

– Куда?

– В Ледяной лес.

Услышанное потрясло меня. Всего лишь пару месяцев назад я рассказал ему легенду о Ледяном лесе, но почему-то был уверен, что сейчас он говорит о чем-то мне неизвестном.

Баэль посмотрел по сторонам и продолжил:

– Только что я слышал похожий шепот, но не разобрал, откуда он доносится. Скрипка тоже молчит. Интересно почему? Может быть, мы уже пришли?

По спине пробежал холодок, я огляделся. Нас окружали совершенно обычные деревья, ни одно из них не было покрыто льдом.

– Скажи, что все это глупая шутка. Уже темно, нам нужно возвращаться.

Баэль нахмурился и резко повернулся ко мне.

– Я привел тебя, чтобы поделиться сокровенным... – Он прервался на полуслове и вскочил с места. – Ты слышал это?

– А должен был? – спросил я, поднимаясь вслед за ним.

Баэль всматривался в глубь леса. Лихорадочный блеск его глаз не на шутку испугал меня. Говорят, что многие гении сходят с ума, не в силах совладать со своим талантом, – неужели он тоже...

– Это музыка!

– Музыка?

Баэль взмахом руки заставил меня замолчать. Я прислушался. Но сколько бы я ни напрягал слух, в ушах звучали лишь ветер да шелест листьев.

– Прекратилось. Видимо, он избегает людей, – еле слышно пробормотал Баэль и быстрым шагом направился к футляру.

Когда он достал скрипку и смычок, я испугался и понял, что должен помешать ему.

– Нет, Баэль, нет!

Я смирился с тем, что он уже брал ее в руки, но не мог позволить ему играть! Баэль провел смычком по струнам, прежде чем я успел отнять скрипку. Раздался визг.

Я замер на месте. Антонио сыграл первую ноту – до, но вместо привычного звука я услышал стон, наполненный радостью и гневом. Скрипка будто злилась за долгое ожидание и благодарила за вновь обретенную свободу.

У меня не осталось никаких сомнений – Аврора была живой.

– Отлично! Она ответила! Мы на месте.

Он снова как одержимый уставился куда-то в пустоту, на лице его появилась безумная улыбка.

Дрожа всем телом, я не мог найти в себе сил, чтобы встать. Что-то происходило, что-то разрывающее реальность пополам.

Теперь Баэль несколько раз сыграл вместе до и ре. Скрипка издавала глухие, неприятные уху звуки. Антонио будто пытался разбудить Аврору после долгого сна. Только когда скрипка отозвалась красивой трелью, Баэль начал выводить полноценную мелодию.

Сладостная музыка будоражила, заставляя плакать. Меня раздирали противоречивые желания: хотелось закрыть уши, чтобы только не слышать этой демонически зачаровывающей мелодии, и в то же время – продолжать внимать ей до тех пор, пока не умру. В тот момент для меня перемешалось все на свете: я не знал, где правда, а где ложь, и даже перестал различать грань между жизнью и смертью. Но мне не было страшно.

Скрипка продолжала петь, и казалось, что так будет вечно.

Я крепко зажмурил глаза, закрыв голову руками, и чувствовал, как колотится сердце, будто вот-вот вырвется из груди. Музыка сводила с ума, но остановить ее было невозможно.

Мелодия мощной волной глубоко проникала в сознание и душу.

Прекрати, Баэль. Нет, продолжай. Остановись. Пожалуйста. Нет, играй еще...

– Коя.

Кто-то потряс меня за плечо. Я открыл глаза.

Сколько прошло времени? Тело болело, словно я преодолел десятки километров. Чьи-то руки подняли меня.

– Обернись.

Я послушался и вытянул руку, будто пытаюсь дотянуться до горизонта. Это движение отняло те немногие силы, что еще оставались, и мне показалось, что небо вот-вот упадет на меня. Душу заполнила беспросветная печаль.

Вокруг нас сотни деревьев будто исполняли загадочный танец в блеске солнца. Бело-снежный, ослепительный мир, где нет места грязи и пороку. Безупречный мир. Словно музыка Баэля.

Как зачарованный, я посмотрел на друга. Его глаза светились радостью, а во взгляде читалось: «Я знал, что он существует».

Без сомнения, в биографии Иксе описано именно это место, где деревья выглядят заледневшими оттого, что раскалены внутри.

Передо мной шумел Ледяной лес.

Я долго не мог оторвать глаз от завораживающей картины, но почему-то не чувствовал ни капли удивления оттого, что легенда оказалась реальностью. Я боялся пошевелиться, уверенный, что от малейшего моего движения сказка тут же исчезнет.

Время текло незаметно, прошел, наверное, уже не один час, когда я снова услышал какой-то звук. Сначала было немного страшно, и я едва сдержался, чтобы не вскрикнуть. Неужели это был чей-то шепот? Или снова шорох листвы, качающейся на ветру?

Я прислушался и наконец-то понял, о чем говорил Баэль. Одновременно похожий на шепот и шум ветра – это был язык музыки.

В отличие от Антонио, я не понимал ни звука, но был абсолютно уверен, что Лес заговорил с нами. Я оглянулся и посмотрел на друга. Он приложил палец к губам, будто бы предупреждая от чего-то. Кивнув в ответ, я стал ждать.

И вот снова раздался звук. Потом еще один, и вскоре в воздухе зазвучала мелодия. Мне даже показалось, что деревья вибрируют. Я вздрогнул от испуга. Тут же захотелось развернуться и броситься наутек, но Баэль, будто прочитав мои мысли, остановил меня, схватив за руку. Его прикосновение отрезвило меня, и я снова прислушался к звукам Леса.

Можно ли сыграть такую мелодию? Есть ли хоть один инструмент, способный ее воспроизвести? Нет. Это невозможно. Это была не просто музыка – дыхание мира, которое исполняли дуэтом горы и волны моря, а дирижировало ими бескрайнее небо. Только Мотховен мог слышать и понимать эту музыку.

Деревья вокруг нас были музыкантами. Каждая заледеневшая веточка была струной, которую задевал ветер, ставший смычком. Лес выступал в роли маэстро. Должно быть, именно так звучала вечность. Я слышал безупречность, красоту и безграничную гармонию звуков. Как смел я говорить, что сочиняю музыку, как смел считать себя неплохим пианистом? Никто в мире, ни один маэстро никогда не сможет снова назвать себя музыкантом, если услышит эту мелодию.

Я полностью растворился в музыке Леса, пока до моего сознания не донеслось чистое звучание скрипки. Пронзительное и одновременно успокаивающее, оно ничуть не уступало мелодии бога музыки Мотховена.

Оглянувшись, я не поверил своим глазам: Баэль начал играть.

Скрипка дарила Ледяному лесу безупречную мелодию. Я наблюдал, как заиндеветь листья, словно крупные снежинки, осыпаются с белоснежных веток. Спустя мгновение деревья-музыканты замолчали, будто вслушиваясь в исполнение Баэля. Он уверенно водил смычком, желая показать богу музыки все свое мастерство, вкладывая в мелодию лишь ему присущую чувственность.

Это сон или явь? Я видел все своими глазами, но никак не мог поверить в происходящее. Звучала музыка, которая, казалось, будет литься вечно, и в душе я надеялся, что так и будет.

Вдруг к сольной мелодии скрипки добавился новый звук – Лес стал оркестром, аккомпанирующим Баэлю, и все лишь для единственного зрителя, для меня. Я снова ощутил двойное чувство: хотелось до боли в горле кричать, чтобы кто-нибудь услышал мой зов и пришел разделить со мной наслаждение, и в то же время я хотел один владеть этой тайной, остаться единственным зрителем фантастического выступления.

Дрожь охватила тело. Я смотрел, слушал и впитывал каждую ноту. Озноб был таким сильным, что мне казалось – смерть близко. Музыка продолжала литься, легко преодолевая октаву за октавой, и ничто не могло ее остановить. Я был готов отдать свою жизнь, свою душу, только чтобы слушать ее вечно.

Но... У каждой мелодии есть свой конец, даже у самой прекрасной, звучащей как вечность.

«Музыка рождается здесь, где она и умирает», – вдруг подумал я.

Мелодия Баэля становилась все тише.

По моим венам раскаленным свинцом текло сожаление. Из груди рвался крик, но внутренний голос умолял быть как можно тише ради последних нот прекрасной мелодии. На глазах выступили слезы, и я с горечью сказал себе: «Коя, ты всего лишь зритель, тебе не по силам справиться с этой музыкой».

Наконец Лес тоже погрузился в тишину. По лицу Баэля градом тек пот. Пытаясь отдышаться, он сжимал в объятиях Аврору. Скрипка уже не излучала демонического сияния, теперь в ее блеске чувствовалось почтение к своему маэстро.

Мелодия давно смолкла, но глубоко в душе я верил, что она будет звучать вечно.

Стояла глубокая ночь, когда мы покинули Ледяной лес. Ни я, ни Баэль до самого дома не проронили ни слова. Мне было интересно, что он сейчас чувствует. Пока мы ехали в экипаже, я всматривался в темноту, думая о том, что все случившееся было лишь наваждением.

Слишком красиво... Слишком далеко.

Но замерзшие слезы на моем лице говорили об обратном.

Глава 05

Музыкальная дуэль

Он взял в руки Аврору, и я понял, что она часть Ледяного леса.

– Коя! Эй, ты меня слышишь?

– Что?

– Ты какой-то потерянный в последнее время. Что-то случилось?

– Нет, просто...

Я оторвал взгляд от окна и попытался улыбнуться сидящему напротив Тристану. Друг подмигнул.

– Коя, не держи в себе. Лучше расскажи старому приятелю, кто та леди, что завладела твоими мыслями.

– Ты все не так понял.

Тристан, крайне заинтригованный, собирался сказать что-то еще, но его перебил голос возницы:

– Канон-холл.

Покинув повозку, мы направились к театру. Перед входом уже собралась толпа. Неподалеку перекупщики предлагали желающим билеты.

– Будь осторожен, Коя. Стоит хоть кому-то узнать, на какие места наши пригласительные, и на ближайшем кладбище появится два новых захоронения, – оглядываясь по сторонам, пошутил Тристан.

Этим вечером Баэль давал первый концерт в честь своего возвращения. Билеты стоили дорого, но были раскуплены на всю неделю вперед. По слухам, на черном рынке их продавали в несколько раз дороже.

Это было удивительно даже для Эдена, ведь аристократы, мнящие себя высокой публикой, считали ниже своего достоинства тратить огромные суммы ради выступления простлюдина. Но не в этот раз. Игру Баэля хотели услышать все.

Заходя с другом в Канон-холл, я думал о том, как потешался бы над толстосумами Антонио, если бы увидел такой ажиотаж.

Внутри было спокойнее, чем снаружи: без билета не просочилась бы и мышь. Сегодня здесь собрались самые влиятельные жители города: приемный отец Баэля Климт Лист, который даже после завершения карьеры пользовался всеобщим уважением, художественный руководитель и дирижер известного оркестра Алексис Ромеро со своим самым любимым учеником, критик Леонард Рабле, язык которого был острее лезвия бритвы. Но главной звездой сегодняшнего вечера был человек, который не носил никаких титулов...

– Тристан, ты ли это?

– Тристан Бельче! Рад видеть.

Самые уважаемые люди Эдена, лишь завидев моего друга, спешили подойти к нему. Тристан непринужденно приветствовал каждого, представлял мне тех, кого я видел впервые. Но скоро я устал от толпы, собравшейся вокруг нас, и сбежал.

Почему-то именно тогда, в огромном вестибюле Канон-холла, среди множества людей, я вдруг осознал, насколько жалок по сравнению с Тристаном и Баэлем. К счастью, кто-то окликнул меня и не дал еще сильнее погрузиться в пучину самобичевания.

– Господин Морфе, сколько лет!

Я обернулся и увидел широкую улыбку хозяина Канон-холла. Последний раз мы разговаривали на аукционе, я был искренне рад нашей встрече.

– Ренар, как давно мы не виделись! Как поживаете? Должно быть, растратили все силы на подготовку концертов?

– Нисколько. Я в этом деле обычный наблюдатель. Антонио Баэль, конечно, гений. Я всегда это знал. Представляете, ни одной репетиции в нашем зале! Даже признанные маэстро заранее хотят привыкнуть к сцене Канон-холла, унять свое волнение, но только не он.

– Это так на него похоже.

Ренар Канон рассмеялся.

– Он станет великим. Или уже стал, – уверенно проговорил мой собеседник. – Кстати, он сейчас в артистической, хотите его навестить?

Вряд ли Баэль будет рад моему появлению, но лучше я выслушаю его насмешки, чем буду стоять в одиночестве.

Хозяин Канон-холла подсказал, где его искать:

– Идите до конца этого коридора. – И добавил: – Только представьте: концерт вот-вот начнется, а он и не думает репетировать.

Произнес он это с явным неодобрением, затем развернулся и ушел.

Стоя перед артистической, я какое-то время в нерешительности смотрел на дверь, за которой находился Баэль. Принес ли он Аврору? Я был единственным, кто знал о его секрете. Если сегодня он будет выступать с ней, как отреагируют зрители?

Сделав несколько глубоких вдохов, я хотел постучать, но вдруг услышал чьи-то голоса:

– Ты совсем не волнуешься.

– Надеюсь, остальные думают так же. Но иногда я все же нервничаю.

– Правда? Что-то мне не верится.

Я застыл на месте, не зная, как реагировать.

Неужели у Баэля появилась возлюбленная? С кем еще он мог так нежно разговаривать?

– Знаешь, эта скрипка такая красивая. Я так переживала, когда ты сказал, что купишь ее. Ты правда играешь на ней?

– Скоро увидишь. Стой! Только не прикасайся.

Я решил, что мне лучше уйти, стал поворачиваться и, видимо, задел дверь локтем. Она со скрипом приоткрылась. Я постарался закрыть ее как можно скорее, чтобы не выдать себя,

но вдруг почувствовал взгляд Баэля. Не придумав ничего лучше, как натянуть на лицо извиняющуюся улыбку, я произнес:

– Прошу прощения. Я заглянул поздороваться, но услышал, что у тебя гостя, и уже собирался уходить... Увидимся.

Я хотел вернуться в коридор, когда меня окликнул нежный девичий голос:

– Подождите, это же вы? Коя де Морфе?

Я повернулся.

– Да, все верно. Извините, что побеспокоил.

– Ничего страшного, проходите!

На просьбу леди я не посмел ответить отказом. Оказавшись в комнате, я изо всех сил старался не пересекаться взглядом с Баэлем, и мне наконец-то представился шанс рассмотреть девушку.

Она была похожа на цветок из оранжереи, который растили в любви. Светлые локоны слегка касались плеч, а взгляд ее глаз цвета морской волны поразил меня своей глубиной и искренностью. Она выглядела совсем юной и невинной. Девушка представилась, одарив меня яркой, сверкающей улыбкой:

– Добрый вечер! Лиан Лист. Всегда мечтала с вами познакомиться.

– Очень приятно. Вы сказали «Лист» – неужели вы...

– Да, все верно. Я дочь Климта Листа. Сводная сестра Баэля.

– Рад знакомству.

Разговаривая с ней, я украдкой наблюдал за другом. Выражение его лица было удивительным. Я видел столько теплоты в его взгляде – будто перед ним самое драгоценное сокровище, которым он безмерно восхищается.

Теперь-то я понял.

– Мне бы очень хотелось когда-нибудь услышать вашу игру.

– Сочту за честь. – Я поклонился.

– Мой жених еще больше преклоняется перед вашим талантом. Он часто говорит о вас.

– Жених? – с удивлением переспросил я.

Ее слова застали меня врасплох. Я тут же перевел взгляд на Баэля. Выражение счастья на его лице исчезло, уступив место злости. Эмоции выдали его настоящие чувства.

– Не сочтете ли за грубость мое желание узнать имя вашего жениха? – с осторожностью поинтересовался я у Лиан.

– Конечно, я и сама хотела представить вас друг другу. А вот и он! Хюби, заходи!

Я никак не ожидал увидеть этого человека здесь. Слишком много потрясений на сегодня.

Молодой мужчина вошел в комнату и протянул мне руку. Я не мог не оценить драматизм ситуации.

– Рад встрече, господин Морфе. Вы один из немногих мартино, кем я искренне восхищаюсь.

Передо мной стоял самый талантливый пианист-пасгрانو, близкий друг Ганса Найгеля, основателя народной партии, тот, кого Баэль ненавидел всей душой...

– Аллен Хюберт, приятно познакомиться.

– Где ты пропадал? Я сбился с ног, ищу тебя по всему театру.

Тристан упал в соседнее кресло. Я пришел в ложу незадолго до него и уже несколько минут не сводил взгляда со сцены. В мыслях царил полный хаос, а сердце то замедляло, то ускоряло свой бег.

От друга не укрылось мое странное поведение, он усмехнулся и произнес:

– А теперь-то ты расскажешь? Готов спорить, та леди, из-за которой ты сам не свой, сейчас в зале. Я прав?

– В твоих словах есть доля правды.

– Вот это новости! Кто она?

Я вздохнул и покачал головой, но вдруг мое внимание привлекли гости, занимающие ложу напротив. Ими оказались Климт Лист и Лиан Лист с женихом. Именно они взбудоражили мои мысли и чувства. Для них Баэль тоже забронировал самые лучшие места.

Девушка, будто ощутив мой взгляд, посмотрела в нашу сторону, и мы встретились глазами. Она одарила меня широкой улыбкой, и я слегка кивнул в ответ. Сидящий рядом Тристан, видимо, был знаком с ней, поэтому последовал моему примеру.

– Только не говори, что влюбился в Лиан Лист.

– Ничего такого. А ты что, с ней знаком? Я даже не знал, что у Баэля есть сестра.

– Я бывал у него дома пару раз, там и познакомились, – ответил Тристан, виновато улыбаясь.

Видимо, он прекрасно знал, как я завидую их близкой дружбе с Баэлем.

– Если она тебе правда нравится, то лучше сразу сдайся, – добавил он уже тише.

– Она мне безразлична. Мне лишь... Тристан, скажи, ты знал?

Друг тут же понял, что я имею в виду. Черты его лица исказила грусть.

– Даже если и знал, то, как и ты, ничем не могу помочь.

– Получается, что Баэль ненавидит Хюберта только потому, что...

– Только потому, что тот ее жених. – Качнув головой, Тристан продолжил: – Просто сделай вид, что ни о чем не догадываешься.

Я кивнул, чувствуя, как меня охватывает уныние. Он все верно сказал. Мы не в силах что-либо изменить. Но даже если бы от меня что-то зависело, Баэль точно не захотел бы моего участия.

Погруженный в свои размышления, я не заметил, как в зале наступила тишина. Но спустя мгновение ее взорвали аплодисменты. Я посмотрел на сцену.

Появился Баэль, прижимающий к себе шелковый сверток. На его лице застыла маска отчуждения. Лениво пробежавшись глазами по зрительному залу, он резко сдернул ткань. Аплодисменты тут же стихли.

В оглушающей тишине раздался шепот Тристана:

– Неужели...

За ним последовал вопль ужаса:

– Аврора!

– Аврора! Это она!

– Он будет играть на ней?

Именно это он и собирался сделать.

Я нервно кусал губы. Величественный и непроступный Канон-холл в одно мгновение превратился в галдящую рыночную площадь. Баэль не обращал никакого внимания на шум. Он стоял, опустив глаза на смычок и слегка поглаживая его.

«Прекратите, – одними губами прошептал я. – Не заставляйте его презирать вас еще больше. Прекратите доказывать ему, что вы просто публика, а не истинные ценители его музыки».

Баэль вдруг поднял голову и посмотрел в зал. Его лицо смягчилось, и я сразу понял, кому предназначался этот взгляд.

Он поднял скрипку в воздух и осторожно прижал ее к груди, обращаясь с ней бережно, словно с младенцем. Этот жест был наполнен такой нежностью и заботой, что у меня защемило сердце. Антонио опустил подбородок к деке, и публика притихла. Правая рука со смычком стала медленно приближаться к струнам.

Мне показалось, что в томительном ожидании прошла целая вечность. И вот на зал опустилась звенящая тишина.

Смычок коснулся струн. Напряжение достигло пика, когда воздух рассек стон скрипки. Многие зрители изумленно выдохнули. Звук Авроры, отражающийся от стен Канон-холла, пробирал сильнее, чем тогда, в Лесу. Я восхитился акустикой зала, благодаря которой мелодия раскрывалась во всей полноте.

Баэль, устремив глаза в пол, отдался игре. Казалось, будто перед ним заклятый враг: в движениях смычка чувствовалась еле сдерживаемая ярость, в голосе скрипки звучали ненависть и презрение, но мелодия была совершенна.

Скрипка пела каких-нибудь десять минут, но этого времени хватило, чтобы харизма Баэля очаровала всех, и никто из зрителей не издал ни звука, чтобы не разрушить сказочную атмосферу.

Я первым зааплодировал после того, как Антонио отдышался. Моему примеру последовал кто-то еще, и еще, и еще... И вот уже Канон-холл сотрясал шквал аплодисментов. Баэль с непроницаемым лицом пробежал взглядом по залу, а затем резко развернулся и ушел, даже не поклонившись.

– Ты знал о скрипке? – спросил меня Тристан, не переставая восторженно хлопать.

Я лишь кивнул в ответ.

– Это... Это просто фантастика... Антонио Баэль только что играл на Авроре! – пробормотал друг, а затем добавил с грустной улыбкой: – Теперь он еще больше отдастся от нас. Ему пророчено стать легендой.

Я снова кивнул. Овации не стихали.

Первый сольный концерт Баэля длился чуть более часа. На лицах людей, выходящих из зала, читалась вся гамма эмоций. Некоторые раскраснелись от удовольствия и пребывали в полном восторге, другие же выходили с остекленевшим взглядом, замороженные музыкой. Многие вытирали слезы, одна дама от нахлынувших чувств даже упала в обморок под занавес выступления.

– Не могу поверить, просто не могу. Он играл на Авроре и остался жив. Неужели, неужели это означает, что сам Мотховен признал его? – нервно бормотал Леонард Рабле, известный своей жесткой, холодной критикой.

Конечно, игра Баэля была вне всяких похвал, но поразила всех именно Аврора.

– Вот он! Наконец-то он вышел!

– Маэстро Баэль! Истинный де Моцерто!

По правилам Канон-холла после концерта исполнителю следовало выйти к публике в главное фойе. Как только Баэль подошел, вокруг моментально собралась толпа и работники театра сразу огородили его от назойливых поклонников.

Мы с Тристаном наблюдали за ним издалека. На лице Антонио застыло плохо скрываемое раздражение, но мне показалось, что ради Лиан и приемного отца он все же нашел в себе силы сказать:

– Благодарю за теплый отклик, в следующий раз я подарю вам еще большее наслаждение.

Люди вокруг него воодушевленно загудели и в тот же миг разразились новой порцией аплодисментов, как вдруг кто-то из толпы выкрикнул:

– Откуда нам знать, что это действительно Аврора? А не обычная белая скрипка?

Ярость на мгновение исказила черты Баэля, но он быстро взял себя в руки и сделал вид, что ничего не услышал. Видимо, решил, что реплика не заслуживает ни капли его внимания.

Кричавший не успокоился:

– Ты, видимо, мнишь себя аристократом. Гордишься тем, что смог стать мартино, несмотря на свое происхождение?

– О боже, – в ужас прошептал Тристан, прижимая ладонь ко рту.

Все в холле замолчали. Люди расступились, и я увидел говорившего. Им оказался Коллопс Мюннер, скрипач-пасгрانو и ярый поклонник Аллена Хюберта. Тристан говорил мне, что он частенько плетет козни против Баэля. Но что движет им сейчас? Зачем Коллопс затеял стычку именно сегодня?

– Что ты уставился на меня? Не нравятся мои слова? Тогда жду приглашения на дуэль, – с издевкой бросил Коллопс.

Аллен Хюберт обхватил голову руками, не веря в происходящее.

Баэль усмехнулся:

– Будь по-твоему.

Я еле сдержался, чтобы не выбежать вперед и не остановить это безумие. Коллопс был значительно крупнее Антонио, и многие отмечали, что на сцене скрипка в его руках казалась игрушечной. Тристан хотел броситься на помощь Баэлю, но я его удержал.

– Однако я в первую очередь музыкант и считаю ниже своего достоинства решать разногласия при помощи грубой силы. Оставлю это развлечение для пасгрانو, – продолжил юный де Моцерто, презрительно ухмыляясь.

– Да как ты смеешь!

– Я вызываю тебя на музыкальную дуэль. Если ты действительно хочешь доказать, что среди пасгрانو есть талантливые артисты, ты примешь мой вызов.

Лицо и шея Коллопса покраснели от гнева, и он проревел:

– Я принимаю вызов! Принимаю! Я заставлю тебя признать, что пасгрانو – истинные музыканты!

Это безумие. Он действительно думает, что сможет победить Баэля?

Со всех сторон послышался возмущенный шепот – люди отказывались верить в происходящее. Не обращая на них никакого внимания, герой сегодняшнего вечера ответил без тени улыбки:

– Отлично. Теперь ты должен выбрать человека, который рассудит нас. Это может быть кто угодно, главное, чтобы он был родом из Эдена и не был обделен умом. Поэтому выбирай любого: хоть своего близкого друга, хоть члена семьи – мне все равно.

Закончив свою речь, Баэль развернулся и быстро покинул концертный зал. Зрители молча провожали его взглядами: кто-то смотрел с восхищением, кто-то с ужасом.

– Музыкальная дуэль? – тихо пробормотал я.

Мне никогда раньше не приходилось слышать ни о чем подобном, но почему-то от этих слов сердце забилося в радостном предвкушении.

Дуэль была назначена через два дня после завершающего концерта Баэля. Неделя выступлений Антонио прошла с грандиозным успехом, который вряд ли кто-нибудь сможет повторить. В день заключительного концерта из театра практически невозможно было выйти: холл заполнили зрители с огромными букетами в руках.

Многие аристократы умоляли Антонио взять в ученики их детей, наперебой предлагая огромные суммы. Он отказал всем под предлогом, что ему самому еще многому предстоит научиться. В деньгах Баэль не нуждался, теперь он был богаче каждого из тех, кого так сильно презирал.

– Как ты думаешь, кто будет секундантом Мюннера? – задал вопрос Тристан, и я тут же перевел взгляд на Баэля.

Он не раздумывая ответил:

– Меня это не волнует.

– Не волнует?! Он ведь попытается сделать все, чтобы выставить тебя дураком!

– Мне все равно.

– А... Я, кажется, разгадал тайный план нашего музыкального гения! Всем давно известно, что ты самый талантливый музыкант на свете, так что, если его секундант признает Коллопса победителем, они сделают себе же хуже – опозорятся на весь город. Я ведь прав?

Баэль нахмурился и повторил, чеканя каждое слово:

– Это. Меня. Не. Касается.

Ответ Баэля, видимо, не устроил Тристана, но я все прекрасно понял. Эта дуэль не представляла для него никакого интереса, ведь там, среди всех этих людей, не будет его истинного ценителя.

Мы вышли на аллею, ведущую на восток от площади Монд. Тополя, выстроившиеся в ряд по обеим сторонам, как всегда, источали приятный, едва ощутимый аромат. Мы шли молча, тишину нарушало только легкое дребезжание виолончели в футляре за спиной у Тристана.

По мере приближения к дому госпожи Капир все громче слышались звуки фортепиано. Кто-то играл, не дождавшись начала вечера.

– Интересно, это кто-то из мартино? Звучит неплохо.

– Помимо меня, сегодня не должно быть других пианистов из мартино, – заметил я.

Манера исполнения была мне неизвестна, но приятно ласкала ухо.

– Скоро узнаем. Отрадно будет увидеть новое лицо. А то ваши уже порядком надоели, – рассмеялся Тристан и постучал в дверь.

Нас, как обычно, встретил слуга и проводил на второй этаж. Очарованный волшебными звуками, я немало удивился, когда увидел пианиста. За инструментом сидел пасгрانو, тот самый, кого Баэль ненавидел больше всего на свете. Аллен Хюберт.

– Добро пожаловать, Коя, Баэль. Тристан Бельче, вы тоже пришли! – К нам подошла госпожа Капир, радостно улыбаясь.

Я не смог выдать ни слова в ответ, пристально наблюдая за реакцией Баэля. Тот кидал на Хюберта взгляды, полные ненависти. Тристан, казалось, совершенно не замечал напряжения, витающего в воздухе. Он поцеловал руку хозяйке салона и сказал:

– Прошу прощения за долгое отсутствие, мадам.

– Тристан, вы один из самых занятых людей в Эдене. Надеюсь, мое приглашение не отвлекло вас от важных дел?

– Не говорите глупостей! Ваше имя всегда в самом начале моего списка важных дел.

– Надеюсь, что так оно и есть, – рассмеялась хозяйка и взяла меня за руку. – Я с таким нетерпением жду выступления вашего трио, сердце всю ночь не давало мне уснуть. Будет много гостей, каким-то образом все прознали о вас, хотя, клянусь, я держала рот на замке.

– Вижу-вижу. Даже неумеха пасгрانو решил послушать игру истинных музыкантов, – язвительно заметил Баэль.

Госпожа Капир изменилась в лице, не зная, как реагировать. Я смотрел то на Тристана, то на Баэля: лишь уважение к хозяйке салона не позволяло Антонио уйти. Тристан, единственный, кто мог сгладить сложившуюся ситуацию, наконец мягко произнес:

– Антонио, я сегодня не спал всю ночь, снова и снова играл твою мелодию. Если я пойму, что во время выступления сделал ошибку, сегодня опять не усну от чувства собственной ничемности. Поэтому, если такое все же случится, пожалуйста, сделай вид, что ничего не произошло.

– При условии, что ты сделаешь что-нибудь с этим бездарем. Никак не пойму, пианист имитирует исполнение мартино, играя вульгарную мелодию пасгрانو?

Аллен Хюберт, услышав реплику Баэля, тут же прекратил играть. Гости стали перешептываться, поглядывая на юного де Моцерто. Хюберт явно был рассержен, но решил не вступать в открытый конфликт и отошел от инструмента. Госпожа Капир натянуто улыбнулась, несколько раз хлопнула в ладоши и объявила, пытаясь разрядить обстановку:

– Господа, время чаепития подошло к концу. Представляю вашему вниманию трио, выступления которого вы все так ждали! Думаю, музыканты уже готовы начать.

Услышав ее слова, слуги тут же принялись убирать со столов и расставлять стулья так, чтобы места хватило и гостям, и нашему трио. Минута – и готова импровизированная сцена, самая популярная среди всех музыкальных салонов города.

– Сегодня мы исполним новую композицию нашего де Моцерто, Антонио Баэля. Написана для трех инструментов – фортепиано, скрипки и виолончели. Носит название «Фортепианное трио № 6» и входит в самый известный цикл произведений, написанный Антонио: «Посвящение тебе». – Мягкий голос Тристана озаменовал начало нашего представления.

Цикл произведений Баэля пользовался небывалым успехом, поэтому зрители, услышав название, стали восторженно перешептываться, не веря своей удаче, а госпожа Капир послала нам благодарную улыбку.

– Мы начинаем.

Когда я сел за инструмент, а Тристан поставил перед собой виолончель, зрители еще продолжали тихо переговариваться. Но стоило Баэлю достать из футляра Аврору, как в комнате тут же воцарилась мертвая тишина. Пепельно-белая скрипка притягивала внимание всех. Я заворуженно изучал ее взглядом, но все же нашел в себе силы опустить глаза на клавиши. Первой звучала моя партия.

«Раз, два...» Я глубоко дышал, считая про себя. Пальцы коснулись клавиш. Уникальный инструмент в салоне госпожи Капир был одним из тех, на котором каждый музыкант мечтал бы сыграть.

Фортепиано запело, и через мгновение ему ответили нежные трели скрипки.

Каждый раз, играя с Баэлем, я понимал, насколько же мне повезло. Я мог стоять на одной сцене с музыкантом-легендой, имя которого навечно останется в истории. Да, я был лишь аккомпаниатором его гениальной игры, но даже эта возможность делала меня счастливым.

Вскоре в наш дуэт влилась мелодия виолончели, и я стал играть тише, чтобы не заглушать партию Тристана.

Фортепианное трио Баэля, посвященное одному-единственному человеку, звучало так волшебным, что даже я ощутил ноюще-сладкое томление в груди. Тристан, самый гениальный виолончелист, идеально оттенял своей игрой исполнение Антонио – они будто дышали в унисон. Гармония, связывающая их дуэт, впечатляла. Мне ничего не оставалось, кроме как продолжать аккомпанировать и вслушиваться в их слаженное исполнение.

Длинная нота скрипки завершила наше короткое выступление. Она оборвалась на фортиссимо, оставив после себя в воздухе еле слышный звон. В ту же секунду шквал аплодисментов взорвал тишину салона.

Мои руки замерли на клавишах. Я не находил в себе сил подняться и продолжал сидеть за фортепиано, ощущая, как сердце разрывается от нахлынувших чувств. Тристан пожал руку Баэлю и хлопнул меня по плечу.

– Молодец, Коя! Отлично сыграл!

– Ты тоже, Тристан.

Я поднял голову и с волнением посмотрел на Баэля. Тот сухо кивнул в ответ.

«Ему понравилось», – улыбнулся я про себя и наконец вышел из-за инструмента.

– Спасибо за прекрасную игру. Но, право, я так смущена, что вам, Баэль, пришлось исполнять свое новое произведение в стенах моего скромного салона, – взволнованно произнесла госпожа Капир, пожимая молодому де Моцерто руку.

– Что вы, маркиза, это мелочи. Если бы я мог, я бы даже посвятил свою симфонию вам.

– «Посвящение тебе»? Не шутите так жестоко! – рассмеялась хозяйка. – Тем более что ваши многочисленные поклонники мне такого точно не простят.

Поклонники Баэля считали, что композиция – послание возлюбленной, и только я знал, кому она на самом деле предназначается. Тому единственному, кого Баэль так отчаянно ищет и кого, возможно, никогда не найдет.

– Кстати, Коя! Почему вы до сих пор не устроили сольный концерт? С таким талантом вы уже давно должны блистать на сцене, – повернувшись ко мне, вдруг сказала госпожа Капир.

Ее голос отвлек меня от раздумий.

– У меня не такой богатый репертуар, да и имя мое мало кому известно. Не думаю, что достоин сольного концерта.

– Вы всегда в тени Баэля или Тристана, поэтому не видите, что многие восхищаются именно вами. И вы единственный, кто не замечает этого признания.

Я смущенно улыбнулся. Мне было странно слышать такие комплименты.

– Вы абсолютно правы, маркиза, – сказал кто-то высоким резким голосом.

Я обернулся и увидел Аллена Хюберта. Баэль поспешил удалиться, выражая тем самым полное презрение.

– Тогда в артистической я не успел представиться как следует. Аллен Хюберт. Для меня большая честь наконец познакомиться с самым одаренным пианистом из всех мартино.

– Вы смущаете меня. К тому же вы и сами один из самых выдающихся пианистов-пасграно. Извините за любопытство, но вы же играли мелодию мартино до нашего прихода, да?

Хюберт усмехнулся:

– Я не такой, как этот выскочка, и никогда не делю музыку на высокую и низкую. Исполняю то, что хочу. Если моя мелодия для вас звучала как музыка мартино, то пусть так оно и будет.

Думаю, столь консервативный мартино, как Баэль, посчитал бы одну эту мысль возмутительной, даже крамольной. Но я относился ко всему проще, поэтому никак не отреагировал. Хюберт холодно продолжил:

– Я выступаю следующим. Надеюсь, что вы закроете глаза на мои ничтожные навыки и все же дослушаете до конца.

– Да, с удовольствием. С нетерпением жду вашей игры.

– Для меня это большая честь. Тогда, с вашего позволения, меня ждут зрители.

Он удалился, и я сразу направился к Баэлю.

– Не знал, что ты дружишь с пасграно, – язвительно сказал он, укладывая Аврору в футляр.

Я смутился и ответил, будто пытаюсь оправдаться:

– Мы всего лишь познакомились, при чем тут дружба?

– Еще немного – и все пасграно будут преклоняться перед тобой. Ты уж постарайся, возможность стать королем бездарностей выпадает не так часто.

Как же невыносимо больно слышать такое от друга, которым искренне восхищаешься... Я промолчал.

Баэль отвернулся, крепко сжимая футляр в руке.

– Антонио, ты что, уже уходишь? Коя, что у вас опять случилось? – затараторил подбежавший Тристан, вырвавшись из окружения томно вздыхающих светских дам. Он попытался остановить Антонио, схватив за руку.

Баэль, не глядя в мою сторону, ядовито произнес:

– Пойдем, Тристан. Выпьем по чашке чая в «Мареранс». Коя остается, чтобы насладиться вульгарной игрой пасграно.

Тристан вопросительно посмотрел на меня, а я смог лишь едва заметно кивнуть и виновато улыбнулся. Будто прочитав мой взгляд, он сказал:

– И снова наш заносчивый маэстро ранил чувства друга. Не волнуйся, я поговорю с этим грубияном. Коя, не думай ни о чем и просто развлекайся. Если будет желание, присоединяйся к нам и приходи в «Мареранс».

– Хорошо.

Внезапно комната опустела: видимо, многочисленные поклонники, расстроенные уходом Баэля и Тристана, тоже поспешили по домам. Осталось лишь несколько музыкантов, в том числе и Хюберт, но я почти не слышал их игру, думая лишь о едком замечании Баэля.

– Слышала, что госпожа Капир предложила тебе провести сольный концерт, дорогой.

– Еще слишком рано, матушка, – ответил я, не отрывая взгляда от окна и краем уха прислушиваясь к слабым звукам музыки, доносившимся с улицы.

– Баэль – твой ровесник, а ты только посмотри на него. Этот наглец провел уже несколько концертов, чем ты хуже?

– Баэль – де Моцерто, матушка. А я всего лишь обыкновенный пианист, не блещущий талантом, каких в Эдене полным-полно.

Она явно была недовольна моим ответом.

– С самого детства тебе нравилось превозносить других. Почему тебе не стать более уверенным в себе? Где твое самолюбие? В конце концов, именно благодаря тебе Антонио Баэль поднялся так высоко. Это ведь ты тайком от нас с отцом помогал ему деньгами, когда он отправился на гастроли? Только подумаю об этом, как внутри все переворачивается. А он сделал что-нибудь для тебя? Лишь когда ему нужно, зовет тебя сыграть на подпевках.

– Он самый выдающийся маэстро Эдена, мама. Для меня это особая честь – выступать с ним на одной сцене.

– Ты так добр, что это начинает раздражать. Не хочу больше слышать. Продолжишь так же – и все запомнят тебя как никчемного аккомпаниатора великого Антонио Баэля.

Матушка бросила мне конверт, в котором оказалась записка от госпожи Капир. Я не стремился стать лучшим пианистом Эдена, но и не хотел быть лишь аккомпаниатором Баэля. Достав записку, я стал водить глазами по строчкам:

Ваш сын не понимает, насколько он талантлив. Возможно, это лишь мое мнение, но он уже стал выдающимся пианистом. Прошу, убедите его выступить с сольным концертом. Я готова оказать содействие, если Вы дадите на это свое согласие.

Госпожа Капир готова поддержать меня? Многие музыканты Эдена мечтали о ее покровительстве. И все же я не чувствовал себя готовым к большой сцене.

Сольный концерт. Мне нужно с кем-то это обсудить.

В голове сразу вспыхнуло два имени, но я знал, что поделиться своими мыслями могу лишь с одним человеком, и поспешил на площадь Монд. Как я и предполагал, Тристан оказался там.

– Это, конечно, очень неожиданно, но я тоже думаю, что ты достаточно талантлив для сольного концерта, – услышал я в ответ, после того как рассказал ему все.

– Не могу понять. Я всегда считал себя третьесортным пианистом, который не заслуживает даже быть аккомпаниатором Баэля.

Тристан усмехнулся:

– Ты всегда объективно оцениваешь окружающих, но не себя. Наверное, потому, что подсознательно сравниваешь себя с Баэлем. Я не говорю, что ты хуже. Но ведь знаешь, даже гении на его фоне выглядят блекло. Коя, ты все время принижаешь свой талант, потому что Баэль всегда рядом.

Какое-то время я переваривал то, что сказал Тристан, а затем попытался возразить:

- Хорошо, талант, но у меня нет наработанного репертуара.
- Я знаю, что ты втайне пишешь музыку, – сказал Тристан, широко улыбаясь.
- Я безуспешно пытался скрыть смущение.
- Я еще не готов представить ее публике.
- Тогда назначь дату концерта на то время, когда будешь готов. Да, и попроси Антонио написать хотя бы одну композицию для фортепиано. Думаю, он с радостью согласится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.